

ГЛЕН КУК

ДРАКОН НЕ СПИТ НИКОГДА

И снова Кук затягивает нас
в созданный им мир, и снова этот мир того стоит.

Amazon.com

Глен Чарльз Кук

Дракон не спит никогда

Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65338456

*Дракон не спит никогда: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;
2021*

ISBN 978-5-389-19716-9

Аннотация

Обитаемые миры Пространства Канона соединены таинственной Паутиной, позволяющей летать со сверхсветовой скоростью. Тысячелетиями непобедимые сторожевые корабли обеспечивают мир и порядок в этой области космоса, жестоко подавляя любые попытки мятежа. Саймон Трегессер, глава могущественного межзвездного Дома Трегессеров, задумал захватить такой корабль. Заручившись технической и сырьевой поддержкой одной из рас Внешнего космоса, Трегессер подготовил ловушку в глухом конце Паутины. Организованная им цепочка планетарных восстаний неизбежно приведет добычу в западню...

Знаменитая космоопера в новом переводе!

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	22
5	27
6	34
7	44
8	51
9	58
10	62
11	68
12	75
13	80
14	84
15	90
16	93
17	98
18	105
19	111
20	115
21	120
22	129
23	137

24	143
25	151
26	156
27	163
28	172
29	173
30	175
31	176
32	183
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Глен Кук

Дракон не спит никогда

Он вечно лежит на своих сокровищах, и сердце его полно зависти и подлости. Не верьте, что он задремал, если у него закрыты глаза. Дракон никогда не спит.

Кез Маэфеле, обращаясь к Зловещему Радиянту¹

Glen Cook

THE DRAGON NEVER SLEEPS

Copyright © 1988 by Glen Cook All rights reserved

© С. Б. Удалин, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

1

*Сторожевой корабль «VII Гемина»
Стоянка в троянской точке L5 П. Джексоники-3
23.11.3681 по корабельному времени
43 год Богоравного Коула Мармигуса
Диктаторы: Богоравный Ансель Ронигос, 12 дкт
Военный консул Ханавер Страт, 1 дкт
Боевая готовность: зеленый-три
Боевой состав в состоянии сна [дежурное
подразделение 0.03]
Режим наблюдения: пассивный*

В Вахтенном зале стояла тишина. Убаюкивающе шептали приборы. Вахтенные операторы боролись со сном. Третий вахтмастер бесшумно подбирался к ним и постукивал по плечам жезлом из слоновьей кости.

Он не слишком усердствовал с внушениями. Военконсул еще не вышел из своих покоев. Возможно, не вышел. Он был занят своим новым увлечением.

Никто из Богоравных не смотрел с экранов.

Такая тишина продолжалась уже целый корабельный год.

От резкого «дзинь!» все мгновенно проснулись. Вахтмастер поспешил было к источнику звука, но подвели ноги.

Время было такое, что любое незначительное нарушение рутинного распорядка вызывало повышенное волнение.

На экране появился Богоравный Талигос Мундт с озлобленным, как всегда, выражением лица.

– Что у нас случилось? – спросил вахтмастер. – Обнаружили прорыв?

– Из Паутины вырвался путешественник.

Вахтмастер оглянулся на переднюю часть зала. Все необходимые экраны уже зажглись. На них мигали дежурные сообщения. Он поднял голову, но Богоравный Талигос Мундт уже пропал из вида.

Каково это – быть живой частью корабля? Это было не более чем праздное любопытство. Сам он еще слишком молод. Только старики лелеют мечты о бессмертии.

По стене, постепенно замедляясь после отключения, бежали справа налево мигающие буквы сообщения: „Славное утраченное“, Дом Чолотов, совершает прыжок от В. Ротки к Д. Ваувни через П. Джекسونику, сборный груз и пассажиры, пересадка пассажиров и частичная разгрузка намечены на П. Джексонике-3-Б, подробная информация прилагается».

Стандартная процедура. Список пассажиров – на тот случай, если кому-нибудь из объявленных в розыск не хватило ума поменять документы, прежде чем отправиться в полет.

– Вахтмастер! У меня экстренный сигнал!

– Переведите в голосовой режим. Готовность: желтый-три.

По всему кораблю зеленые огни сменились желтыми и за-

мигали ярче.

– ...«Гемина», – зазвучало сообщение, – у нас произошел несогласованный запуск спасательной капсулы...

– Готовность: желтый-один! – отрывисто проговорил третий вахтмастер. – Вызовите военконсула. Передайте информацию во все службы.

– ...пока не выяснили, есть ли кто-нибудь на борту...

– Поиск. Найти эту капсулу.

– Уже засекли, вахтмастер.

– Пеленг. Отследить траекторию и прозондировать. – Помня об экранах над головой, он рывкнул: – Вывести данные на стену! Я хочу, чтобы к появлению военконсула все было готово.

По всей «VII Гемине» дежурная вахта готовилась выполнить любой приказ, который мог получить сторожевой корабль.

– Вахтмастер, пеленг и траектория получены. Капсула под контролем. Направляется к точке поверхности неподалеку от Чолот-Варагоны.

Есть ли на П. Джексонике-3 другие города?

– Данные зондирования?

– Пока не готовы, вахтмастер.

– Передать данные цели в боевой центр. Послать сообщение гарнизону Канона в Варагоне. Приготовиться к перехвату нелегальной посадки.

Половина верхних экранов уже ожила, но Богоравные по-

ка хранили молчание. Однако он чувствовал, что должен показать рвение.

– Что с зондированием? Сколько еще ждать?

– Первое приближение уже почти готово, вахтмастер. Вот оно. Одна биологическая форма. Артефакт или негуманоид.

Вахтмастер помедлил в нерешительности. Ему совсем не хотелось отвечать за приказ разбудить весь экипаж корабля.

– Готовность: красный-один.

Он ударил жезлом по своей ладони, потом еще раз, сильнее.

Завизжали сирены. Палубы и переборки задрожали. Зал наполнился шепотом и бормотанием, инерционные сектора захлопнулись, перекрыв обычные воздушные потоки, и сразу стало холоднее. И без того тусклое освещение померкло, после того как энергию перенаправили на генераторы боевых щитов. Поднялся шум – молчавшие прежде операторы принялись обмениваться голосовыми сигналами о готовности.

С грохотом, отзывающимся вибрацией в костях, включились космические звездные двигатели, лучи в колодцах гравизахватов погасли.

Вахтмастер вздохнул, провел рукой по каштановым волосам и разгладил защитного цвета мундир операционного состава. Он достиг пределов своих полномочий.

По стене побежала информация из доклада чолотского путешественника о состоянии Паутины. Данные говорили о стандартном проходе.

Военконсул и диктатор Ханавер Страт, в безукоризненном черном с серебром мундире, вошел в Вахтенный зал.

Леди Полночь плыла сквозь вечные сумерки Нижнего города Мерод-Шена, высокая и хрупкая, как прокованное до полупрозрачности листовое золото. Ее лавандовые глаза перебежали с одного сгустка мрака на другой. Худое, бледное лицо покрылось бисеринками пота. Тонкие белые пальцы трепетали, словно испуганные колибри. Вздвогнув от шороха, вырвавшегося из самого сердца сумрака, она прижала руки к груди и плотнее завернулась в трепещущие крылья. Последние отблески их обычного шелковистого мерцания померкли до свинцовой серости.

Вокруг стояли жара, сырость и духота. А еще повсюду гниль и скользкая слизь, губительная тьма с внезапными зловонными просветами, как в древних джунглях. Мелкие твари шмыгали в стороны.

Полночи было страшно.

Раньше она никогда не испытывала страха. Ее создали не для этого, а для салонов и будуаров высшего общества. Ей еще предстояло научиться этому жуткому чувству.

Леди Полночь любила новые ощущения. Но этот страх ей не нравился. Он смывал окраску ее крыльев. Разъедал, словно язва, ее внутренности. Прогонял сон и лишал аппетита. Это был убийца, расчленяющий ритм ее танца-полета, до боли скручивающий мышцы.

– Глупышка, ты же иммун, – промурлыкала она ангельским голосом. Голубые вставки ее шелкового платья, тонкого, как фантазия, нежно зашелестели. – Никто не посмеет тебя тронуть.

Но страх не утихал.

От Нижнего города Мерод-Шена разило безумием. Оно расплзалось во все стороны. Иммуну могли распрощаться со своей исключительностью в любую минуту.

В густой тьме что-то скрежетало и щелкало. Твари крались следом за ней. Сумасшедшие, злобные твари, худшие из отбросов и ошибок, до сих пор выходившие на охоту лишь глубокой ночью. Она чувствовала на себе их безумные, примеривающиеся взгляды.

Они смелели на глазах.

Леди Полночь остановилась возле арки, ведущей к цели ее путешествия. Повисшая там тишина пугала сильнее, чем шорох и щелчки, все громче раздававшиеся за спиной. Она не решалась шагнуть вперед. Но позади готовились к нападению.

В глубине под аркой что-то шевельнулось.

Мелодичный всхлип вырвался из горла Леди Полночь.

Темный ужас нахлынул на нее, наполнив полые кости жидким азотом. Но едва она опознала тень, как по телу тут же разлилось тепло.

– Янтарная Душа!

Тень изменила очертания, превратившись в нечто из ноч-

ного кошмара, и промчалась мимо. Щелчки и скрежет, визг, завывания и шуршание чешуи по гниющей мостовой стремительно отдалялись. Леди Полночь бросилась под сырую арку, потом дальше, через дверь, ворвалась в ярко освещенную комнату, где, дрожа, упала в объятия Тортила.

Когда сердцебиение успокоилось и прекратилась дрожь, Леди Полночь поразилась нелепости ситуации: ее поддерживало и утешало настолько низкорослое существо.

При всей своей странности, она была человеком, а Тортил – нет.

Ростом Тортил был метр семьдесят пять, а в ширину – метр. Весил сто двадцать пять килограммов, без единого грамма жира. Кожа его по цвету и виду напоминала змеиное брюхо. Чертами лица он действительно походил на черепаху, но в нем не чувствовалось никакой медлительности или неуклюжести. Движения его были скорее кошачьими.

Янтарная Душа всплыла в комнату, уже в человеческом облике, словно бы облаченная в золотистую парчу. Будучи на полметра выше Полночи, она имела царственный вид. «Они совсем осмелели», – беззвучно пришло от нее псионическое сообщение.

– Это безумие, – просвиристела Полночь. – Оно расплывается. Его дыхание уже чувствуется в Верхнем городе и даже в Высшем.

Тортил говорил то же самое в прошлый раз. Сама она о таких вещах не задумывалась.

– Они отправили посланника? – спросил Тортил.

– Да, на чолотском путешественнике. Замаскированного под дитя лорда из Высшего города с М. Картики-5.

– Значит, зараза расходуется от мира к миру. Глупцы. Куда прыгнул путешественник?

– К П. Джексонике.

Тортил опустился в кресло – небольшое усталое существо, при всей своей убийственной массе.

– Да, – сказал он, теребя пуговицу своей домотканой рубахи. – Твари настолько глупы, что попытались это сделать. П. Джексона-3 все еще под Запретом.

Тортил так много знал, что все просто диву давались. Откуда у него, запертого в Нижнем городе Мерод-Шена, такие сведения?

Тортил посмотрел в глаза Полночи:

– Лекарство не заставит долго ждать, если он попытается добраться до Чолот-Варагоны. – Он на мгновение прикрыл свои черепашие глаза, которые на самом деле не закрывались полностью, поскольку имели только мигательную мембрану. – Благословенно будь Содружество. Этих глупцов уже ничто не спасет. Сударыни, пришло время позаботиться о собственном благополучии.

«Неужели у Содрущества нет никаких шансов?» – спросила Янтарная Душа.

Даже легкого ментального прикосновения к ее мыслям хватило, чтобы у Полночи закружилась голова. Янтарная Ду-

ша почти никогда ни с кем не разговаривала. Если же она это делала, то буквально сбивала собеседника с ног.

– Нет, – ответил Тортил. – Это просто один из тех бунтов простонародья, что случается раз в поколение. Я видел сотню подобных. И все они длятся недолго. Энхерренраат не продержался и года, хотя готовился пятьсот лет. – Он помолчал, а потом риторически спросил: – Сколько лет сторожевым кораблям? Они были древними уже в пору моей юности. Иногда кажется, что даже звезды моложе их и что сторожевики были созданы уже старыми, хитроумными и смертоносными, и во все времена они оставались несокрушимыми.

* * *

Никто не знал, сколько лет самому Тортилу, а сам он не признавался. В шутку говорили, будто бы весь Нижний город был построен вокруг него.

Тортил вообще редко рассказывал о себе. Откуда он появился? Кто он такой? Последний туземец с В. Ротики-4? В пустыне сохранились какие-то развалины. Маловероятно, впрочем, что он из расы предтеч. Никто не может жить так долго.

Значит, он артефакт? Такой же, как и Леди Полночь? Созданный в лаборатории с неведомой целью, о которой позабыл даже он сам. Лабиринты Нижнего города кишели артефактами, пережившими свое предназначение. А еще там

полно было ошибок. Создатели новых жизненных форм редко уничтожали свои ошибки, а просто прогоняли их. Некоторые из таких существ были поистине ужасны. А некоторые, расплодившись, передали эти свойства потомству.

А если не артефакт, тогда, возможно, Тортил был негуманоидом, потерпевшим крушение и застрявшим в этом мире вдали от дома?

Эта теория была довольно популярна.

Тортил ничего не говорил о себе самом, зато рассказывал разные истории на улицах Нижнего города, но лишь для очень молодых. Отражая детские мечты, он пел песни далеких звездных рас, которых никто в Нижнем городе никогда не видел, – о великом огне, пылающем в глубинах между звездами, когда боевые корабли сходятся в битвах невообразимой ярости. Возможно, он рассказывал об уничтожении Энхерренраата. Или, быть может, о другой борьбе, более отдаленной в пространстве и времени. И в его песнях о минувших войнах слышались эмоциональные ноты, говорившие о том, что он видел все это собственными глазами и, возможно, был среди тех, кто не добился ничего другого, кроме разбитой мечты.

* * *

– Если он попытается доставить послание на Чолот-Варагону, – прервал долгое молчание Тортил, – его перехватят.

Гарнизон Канона сообщит на станцию П. Джексоники. Каждый путешественник понесет восточку сторожевикам. Первый, кто появится на месте, вытряхнет весь мозг этой твари до последнего синапса. Затем разнюхает его след. Первая остановка: Мерод-Шен.

– Неужели все будет так ужасно? – прошептала Леди Полночь.

– Ха! Хуже, чем ты можешь представить. Чолотский путешественник подбирает оборотня-нелегала из расы, якобы уничтоженной в мире Меродов, и доставляет его в находящийся под Запретом мир Чолотов. Они будут очень дошны. Мы должны обезопасить себя. Достойны сожаления только те меры предосторожности, которые так и не были приняты.

Янтарная Душа ходила из угла в угол, излучая грубое, почти сердитое согласие, подкрепленное такими мрачными, глубокими и мощными эмоциями, что Леди Полночь попятилась прочь от нее.

– Возможно, нас ждут интересные времена, – заметил Тортил. – Думаю, это должно произойти.

Военконсул был сухощавым пожилым мужчиной, темный мундир подчеркивал бледность его лица. По голому черепу ползали огоньки и тени дисплеев. Темные глаза, тяжелый взгляд. Тонкие, плотно сжатые губы давным-давно позабыли, что такое улыбка. Казалось, все звуки затихали по мере его приближения, а воздух становился еще холоднее.

Военконсул бросил на дисплей один жадный взгляд:

– Приемлемо, вахтмастер.

– Благодарю, консул.

– Более чем приемлемо.

Ханавер Страт направился к группе зондирования.

– Второе приближение готово, вахтмастер, – сказал старший группы. – Форма жизни в этой капсуле одновременно негуманоидная и искусственно созданная.

Бесстрастие третьего вахтмастера лопнуло. Он и без помощи «Гемины» понял, кто это такой.

– Крекелен! Никакой другой негуманоид не смог бы подобраться к спасательной капсуле путешественника. Корабельная программа помешала бы ему.

– «Гемина» подтверждает, сэр.

Военконсул чуть ли не улыбнулся. Давненько ничего не происходило, и не возникало необходимости действовать.

– Ключ: всем службам! – Мерцание за спиной накрыло его

плечи. – Готовность: красный-один.

Завыли сирены.

– Всем батареям: огонь по готовности. Истребители преследования и перехватчики: старт. КонКом²: подготовить Р-Р³ -команду к переброске на станцию П. Джексоники.

– Военконсул, капсула уже вошла в верхние слои атмосферы, – заметил третий вахтмастер.

Это означало, что лучи батарей расфокусируются, наводка окажется неточной, а ракеты будут потрачены впустую, потому что не смогут войти в атмосферу.

– Ракеты? Нет, слишком поздно. – Военконсул понимал: они наберут такую скорость, что разобьются об атмосферу, как об стену. – Превосходный расчет времени. Хитрая тварь.

– Адская карусель?

– Пожалуй, и для нее слишком поздно. Но хотя бы устроим показательное выступление. – Военконсул обратился к мерцанию за спиной. – Ключ: оружие. Запустить адскую карусель. Ключ: Зал личного состава. Разморозить один батальон тяжелой пехоты и снабдить информацией для поиска и уничтожения объекта в Чолот-Варагоне.

– У вас есть какие-то предпочтения, военконсул? – про-бормотала пустота.

– Какой раньше будет готов.

Напряженный взгляд военконсула отмечал, кто из свобод-

² КонКом – контрольная команда. – Примеч. перев.

³ Р-Р – розыск и расследование. – Примеч. перев.

ных от вахты явился на пост с запозданием. Второй вахтмастер оказался среди последних. Он тут же поник, встретившись глазами со Стратом.

– Ключ: связь. Передать на станцию П. Джексоника-3-Б: полный карантин идущего на посадку путешественника «Славное утраченное». Ответственный за исполнение: СТА-ЗИС. Военконсул сторожевого корабля «VII Гемина».

Страт дал отбой перехватчикам и послал истребители преследования сопровождать путешественник на посадку.

– Вахтмастер, хорошая работа заслуживает поощрения. Я посылаю вас на станцию призовым офицером. С полномочиями управлять работой Р-Р-команды и использовать СТА-ЗИС.

На щеках третьего вахтмастера вспыхнул румянец. Это был шанс – неожиданный, незапланированный – сделать карьеру. Его могут выдвинуть кандидатом в боевой состав. Могут выбрать, если он справится с работой. А если провалит дело, это погубит его карьеру раз и навсегда.

– Благодарю, военконсул.

– Р-Р-команда скоро отбудет. Вам стоит поторопиться. Второй вахтмастер!

Второй с красным лицом поспешил на вызов:

– Да, военконсул?

– Подмените третьего. Будете стоять на вахте за себя и за него.

Второй вахтмастер проглотил комок:

– Благодарю, военконсул.

– Ступайте, – сказал Страт третьему. – И не подведите меня.

Деформастеры выпустили свои непредсказуемые вихри. Их ярость разорвала пространство и вцепилась в атмосферу П. Джексоники-5, перечеркивая огнем небо этого мира, порождая зарево, которое не угаснет еще много дней.

Адская карусель трясла, царапала и обдираала оболочку падающей капсулы, но не смогла остановить ее. На высоте трех тысяч метров крекелен катапультировался. На двух с половиной тысячах гарнизон Канона открыл огонь.

Они доложили, что нелегал уничтожен.

Но в Вахтенном зале знали правду. След крекелена вел к поверхности и дальше в город.

Четвертым в компании трех иммунов был мрак.

– Не хочу выходить отсюда, – сказала Полночь. – Темнота ночи становится мучительной.

– Тогда не выходи, – ответил Тортил. – Если только ты не должна танцевать сегодня. Мы с Янтарной Душой проводили бы тебя до лифта.

Полночь была облачной танцовщицей, созданной для этой экзотически-эротической цели в Доме Банат-Маратов. Ее номинальный хозяин – отпрыск директора Дома, едва закончивший обучение, – пресытился своей красивой игрушкой и выгнал Полночь на улицу без каких-либо документов и средств к существованию, кроме тех, что были заложены в ее хрупком теле.

Она сумела выжить.

– Нет, не сегодня. Спрос на меня теперь небольшой.

– Забавно. Мне казалось, что как раз наоборот. Ешь, пей и веселись. И может быть, неприятности минуют тебя.

Полночь жила в Высшем городе, порхая от одного спонсора к другому. Когда мода на нее проходила, она работала у торговцев-баронетов из Верхнего города, стремившихся подражать декаденству своих лордов. Однако Нижний город был для нее духовным домом, как и для всех отверженных, забытых, заурядных и презираемых. Князя побежден-

ных рас прозябали здесь бок о бок с сутенерами, убийцами и кое-кем похуже.

– Что они знают там, в Высшем городе? – спросил Тортил. – Что они чувствуют? Чего боятся? О чем думают?

Полночь была глазами и ушами иммунов. В ее присутствии властители Канона не следили за своими языками. Она была невидимкой, пустотой.

– Они знают, что в городе неспокойно, но бравируют друг перед другом своим безразличием. Их забавляет сама мысль о бунте. Зато торговцы Верхнего города обеспокоены. Восстание плохо скажется на их доходах.

– Торговля покатится ко всем чертям, когда сторожевик вырвется из Паутины. Он прижмет этот камешек крепче, чем мрамор в герметичном контейнере.

«Он точно прибудет?» – не поверила Янтарная Душа.

Она никак не могла понять человеческую природу. Те, кому она проецировала свои мысли, реагировали адекватно, но даже Тортилу она казалась иллюзорной, словно тень, отброшенная из другого измерения. Никто не мог постичь ее естественное состояние.

Она представляла собой невероятную редкость. Каким образом Янтарная Душа оказалась на В. Ротике-4, оставалось загадкой. Она и сама этого не помнила.

Она жила здесь почти так же долго, как Тортил. Иногда он размышлял об этом и мог вспомнить то время, когда ее здесь не было, однако тот момент, когда она появилась, не сохра-

нился в его памяти. Он знал о Янтарной Душе больше, чем кто-либо еще, но это знание все равно оставалось мизерным.

Она была значимой силой в Нижнем городе, сущностью, которую все боялись и предпочитали обходить стороной.

– Прибудет, – заверил ее Тортил. – Так же неизбежно, как ночь, которую тьма сплетает из дня. Даже дыхание смерти не столь неотвратимо, как бдительность Сторожевого флота. Остается только молиться, чтобы Содружество не натворило глупостей до появления сторожевика. Одного его вида хватит, чтобы умерить их пыл. – Он задумался на мгновение. – У этой истории с крекеленом неприятный душок. Подозреваю, что это происки одного из Домов.

– Они ведь не собираются поднимать восстание против самих себя? – возразила Полночь.

Она оставалась настолько же наивной, насколько загадочной была Янтарная Душа.

– Собираются, и должны это сделать. Энхерренраат родился из грез охваченных лихорадкой жадности Чолотов и Меродов. Грезы обернулись кошмаром. Чолоты и Мероды до сих пор за них расплачиваются. Ярость Сторожевого флота оказалась так убедительна, что никто больше не дерзал бросить им вызов. Но Вселенная плодит дураков и ничтожеств вне всяких разумных пределов.

Что-то зашуршало снаружи, что-то проверило крепость двери. В комнату проник слабый, на грани восприятия, запах, словно наэлектризованный воздух, предвещающий

шторм. Послышался шорох и что-то похожее на шепот, агрессия, рожденная после прихода Полночи. Она становилась все злее, пока тьма растекалась, словно слизь, между десятую тысячами опор, поддерживающих Нижний город. Снаружи стояла глубокая ночь. Создания мрака вышли на охоту.

Что-то огромное навалилось на одну из стен, она заскрипела и накренилась. По выгнувшейся поверхности расползлась сетка из темных линий. Они расширялись, сливались одна с другой, делая коричневые обои почти такими же яркими, как пламя.

Что-то просочилось сквозь них и потекло вниз. Оно было цвета крови.

– Это уже слишком! – раздраженно бросил Тортил.

Янтарная Душа приложила к вздутию свои паучьи пальцы. Псионическая тьма наполнила комнату, призрак угрозы, что пробивался сквозь стену. Донеслись приглушенные вскрики. Затем наступила тишина.

– Они играют в запугивание. Но в своем безумии скоро выйдут за пределы игр. Завтра мы должны связаться с остальными. Необходимо принять меры.

В Мерод-Шене проживало одиннадцать иммунов. Ни один из них не поддерживал Содружество.

Тортил обернулся к Полночи:

– Как там лорд Аскеназри?

– Еще жив. Слабеет на глазах, но сохраняет стальную во-

лю. Он недолго останется с нами. Я танцую для него раз в неделю. Больше он ничего не требует.

– Когда ты будешь танцевать для него снова?

– Завтра ночью.

– Он еще помнит меня?

– Иногда спрашивает о тебе.

– Спроси, не желает ли он повидаться со мной. Скажи, что я готов забрать долг.

– Если мы переживем эту ночь, – ответило, вздрагивая, боязливое создание.

– И эту, и множество других, – пообещал Тортил. – Переживем даже Содружество. Я обязан их пережить. Мне нужно еще многое сделать, прежде чем я уйду.

...Затихающий свист. Оглушительное «дзынь!».

Джо Класс машинально вдохнула пахнувший лекарствами и механизмами воздух и открыла глаза. Она ощущала азарт, любопытство и малую долю беспокойства. Что бы это могло быть? Размораживание подобно пробуждению в тот день, когда тебе обещали нечто захватывающее.

Сколько она проспала?

Впрочем, это не имело значения. Ничего не изменилось.

Как всегда, когда воздух становился горячим и влажным, мотыльком мелькнула паника. Стены камеры давили на нее. Крышка запотела и стала непрозрачной. Джо написала на ней пальцем неприличное слово.

Крышка поднялась. За ней показался знакомый белый потолок зала размораживания. Сколько раз она так просыпалась, уставившись в небо из трубок и проводов? Слишком часто, чтобы пересчитывать.

Ее обдало холодом ворвавшегося вихрем свежего воздуха.

Что это было? Еще один Энхерренраат? Ее охватил страх. В тот раз она умерла. Эти воспоминания преследовали ее, хотя травка и помогала избавиться от них.

Иногда ей казалось, что она видит смерть во сне, пока лежит в камере, но, проснувшись, она не могла ничего вспомнить.

В поле зрения всплыло чье-то лицо.

– Вылезай, солдат.

Никакого облегчения от того, что видит ее живой, а не скукоженной иссиня-черной мумией. Вообще никаких эмоций. Просто движется к следующей камере, следующей проверке.

Джо выскочила, полная сил, как и любой, кто обладает превосходным здоровьем. Солдаты ее отделения выбирались из соседних камер, такие же обнаженные, как и она сама. Шайгон наблюдал за ней с очевидной задумчивостью.

– Смотри у меня, солдат!

Он приподнял косматую бровь:

– Смотрю, сержант, смотрю.

– Как-нибудь потом. Может быть. Если будешь хорошим мальчиком. – Она пересчитала уши и разделила результат на два. Все на месте. – Пошли!

Их камеры сложились. Отделение двинулось за ней, как обычно перебрасываясь шутками и подначками. Клэри и Сквот держались за руки. Ледяной сон ничего не изменил в их отношениях. Ее взгляд блуждал по старым товарищам, выискивая знакомые шрамы. Гладкая кожа могла много сказать о том, сколько они проспали.

Они надели свободные черные комбинезоны и разобрали личные вещи. После осмотра Джо повела своих людей в центр инструктажа. От проснувшихся раньше отделений долетали свежие новости:

– Военконсулом теперь Ханавер Страт.

– Разве он больше не начальник штаба? Какой нынче год?

– Сорок третий год Богоравного Коула Мармигуса. Страт вдобавок избран диктатором.

– Живой? Мне казалось, главное требование – это быть Богоравным.

Тусклый, бесцветный смех.

Мармигус теперь Богоравный? Должно быть, прошло много времени. Он только что стал оперконсулом, когда их в последний раз замораживали.

– Похоже, затишье продолжалось долго.

– Готов поклясться, это обычная уборка мусора, сержант.

Никто никуда не спешит.

– На корабле «красный-один», Хейк.

– Никого не потревожили, кроме пехоты. Кто-то просто уронил поднос с приправами.

Джо остановилась у люка в аудиторию:

– Отделение, молчать!

Они зашли в зал, где можно было рассадить тридцать тысяч. Солдаты кивали знакомым, находили свободные места и выжидающе смотрели на своих офицеров. Над сценой висел лозунг, написанный крупным, но незамысловатым шрифтом: «Я СОЛДАТ». Он был наклеен над каждым люком в отсеках боевого состава. Он украшал нашивки каждого бойца, обводя номер VII, наложенный на карикатурное изображение ангела-хранителя – бегущую обнаженную женщину,

вовсе не казавшуюся Джо воинственной.

А как насчет широкоплечей, мускулистой убийцы вроде нее самой, с короткими растрепанными волосами и окровавленным топором в руке? Будет больше похоже на правду.

Люди не шарахались от нее, когда она проходила мимо, однако Джо Класс не ощущала уверенности, что ее можно назвать привлекательной.

* * *

Десантный катер приземлился. Джо выбралась под красноватый свет П. Джексоники-3. Хейк оказался прав. Они должны просто убрать мусор. Всего лишь оборотень-крекелен, во имя Тавна!

Она осмотрела Чолот-Варагону. Та на вид ничем не отличалась от любого другого города-порта в любом мире Канона, находившемся под властью какого-либо из Домов. Все здания здесь выглядели чертовски консервативно, словно строители не имели права ни на шаг отклоняться от стандарта сборных конструкций. Если хочешь увидеть что-то иное, отыщи мир, не управляемый Домами.

Высший город плыл в тысяче метров над поверхностью, соединенный с Верхним гибкими трубами, внутри которых находились пассажирские и грузовые лифты. Проконсулы Домов и богачи со своими прихлебателями пребывали там в полной безопасности, отделенные от прочего населения.

Опоры Верхнего города также приподнимали его над опасностями плохо укрощенного мира, а особенно над пороками самих укротителей. Администрация и чиновники, гарнизон, если здесь таковой имелся, вассалы Домов, кадеты, инопланетные торговцы и управляющие – все они жили в Верхнем городе.

Нижний город являлся основанием социальной пирамиды. Его очертания скрывались в глубокой тени под брюхом Верхнего города.

Где-то города были больше, где-то меньше, но столицы десяти тысяч других миров обладали точно такой же структурой.

Джо активировала скафандр и отпрыгнула вправо. Ее отделение последовало за ней. Включились сенсорные системы, отображая в цвете на чувствительной внутренней поверхности лицевого щитка все, что ее окружало. Она могла дышать здешним воздухом. Погода была не слишком холодной. Но в первую очередь ее интересовала другая информация: поблизости не было обнаружено никакого враждебного оружия.

Поток данных, передаваемых через катер с «VII Гемини», каждую минуту прерывался на пять секунд, чтобы дать изображение Варагоны, каким ее видели зонды. Крекелен неподвижно засел где-то возле самого сердца Нижнего города.

Джо ненавидела городские операции. Города коварны. Никогда не угадаешь, кто, откуда и чем тебя ударит. Систе-

ма была не настолько хороша, чтобы отслеживать неэнергетическое оружие.

Соединение. Круг замкнулся. Никому из него не выйти. Пришел приказ двигаться вперед.

Джо посмотрела на Высший город, на сияющую звезду «VII Гемины», которая словно бы зацепилась за сказочные шпили. Как, должно быть, испуганы сейчас лордики Чолотов, гадающие, не намерен ли десант положить конец Запрету, опрокинув Верхний город и уничтожив гравитаторы Высшего.

Никакого сопротивления не было. Те немногие жители, которых видела Джо, застыли в каменной неподвижности, испуганно уставившись на солдат. Редко когда ей доводилось встречать столько бездельников, подонков и нелепых негуманоидов. И это в мире, которому уже не один десяток лет запрещались любые внешние контакты. Мерзкие твари все равно добились своего.

Цель не двигалась с места, пока круг не сжался до километра в диаметре. Лицевой щиток Джо начал передавать данные слежения «Гемины», прерываясь каждые пять секунд для совмещения с местностью.

Сообщение по внутрибатальонной связи:

– Всем офицерам и МКС⁴, напоминание сверху. Мы должны взять его живьем.

Никаких комментариев, разумеется. Только в интонации.

⁴ МКС – младший командный состав.

«Я солдат».

Это значит: «Я выполняю приказ».

По внутривзводной связи прозвучало:

– Солдаты, он направляется в нашу сторону.

Джо сопоставила данные «Гемины» с тепловым следом на местности в сотне метров впереди. Отсоединилась от «Гемины» и, зафиксировав направление, включила тактическую частоту своего отделения:

– Идет прямо к нам в пасть, парни.

– Почему же его не видно? Вы его видите, сержант? Кто-нибудь его разглядел?

Никто не разглядел. Но не мог же этот тип быть невидимкой? Он должен уже буквально наступить на них.

Наступить! Джо посмотрела вверх и установила максимальное усиление. Есть! Что-то шевельнулось на одной из балок.

Ее выстрел четко осветил его силуэт. Он сжался в напряженный комок, вцепился в туго натянутую сетку, отходящую от колонны, и начал медленно превращаться в нечто похожее на черную пластиковую пленку. Джо переключилась на частоту взвода:

– Взводный, это второе отделение. Мы засекли его.

Пещера имела форму идеальной сферы диаметром в тысячу метров. Огромная масса висела почти в самой ее сердцевине или чуть выше, в направлении силы гравитации. Из выгнутых стен в эту массу летели молнии. Жестяной гром ударял себя в грудь и завывал по всей камере. Сгустки красного газообразного огня взрывались в темноте. Между провалами грома метался дьявольский самодовольный смех.

У входа в коридор, упиравшийся в стену камеры, стояла женщина.

– Он сегодня в драматическом настроении.

Ее спутнику на вид было семнадцать лет. Она выглядела на двадцать один год. Он и в самом деле был юн. Она – нет. Она была намного старше и бессердечнее, чем казалась. В ее бледно-голубых глазах проглядывало сожаление палача.

– Когда мы убьем его?

Темные глаза юноши не выглядели молодыми. Все остальное в нем производило впечатление мальчишеской наивности и невинности, но глаза были глазами хищника.

Она шлепнула его по лицу:

– Не смей так говорить! Даже думать не смей, когда ты так близко к нему. – А затем рассмеялась. – Еще не скоро. После того, как он добьется успеха. Если добьется. – Смех ее, пусть и негромкий, звучал так же порочно, как и тот, что гремел

внутри сферы. – Кто захочет унаследовать несчастье?

Юноша вздрогнул. Здесь было холодно и мрачно, а в воздухе витало что-то, напоминающее кладбище перед рассветом.

– Зачем он позвал нас?

– Вероятно, ему нужно поведать кому-то о своей гениальности, а Лупо Провик не подпитывает его самолюбия, потому что отказывается восхищаться.

Она приложила ладонь к блестящей пластине на стене.

– Отец, мы здесь.

Представление продолжилось с удвоенной интенсивностью. Стрелы молний ударяли в стену рядом с концом коридора. Голографические монстры парили в воздухе, кусаясь и клацая когтями, выдыхая огонь и плюясь ядом. Сквозь всю эту ярость невозмутимо проплывала черная гондола с похожим на скелет гондольером. Задняя подсветка выдавала голограмму. А гравитационной лодкой управлял человекоподобный робот, созданный воображением Саймона Трегессера.

Лодка уткнулась носом в стену. Женщина шагнула на борт. Юноша помедлил, но последовал за ней. Крыло страха отбросило мимолетную тень на его лицо.

Затем черты лица юноши застыли в немного наивной невозмутимости. Он еще только учился этим премудростям.

Каждый должен учиться, если намерен выжить в правящем семействе Дома Трегессеров.

Лодка заскользила к центру сферы. Закрытый прозрачный колокол свисал с механизма, который удерживал находящееся внутри существо и созданные его волей реальности. Лодка остановилась в десяти метрах от него. Поисковые зонды легонько прикоснулись к пассажирам.

К внутренней стенке колокола прижалось гротескное лицо. Дым рассеялся, и стали видны уродства тела: высохшая рука, другая, изъеденная огнем, незрячие глаза – все это было работой убийцы, едва не достигшего успеха.

– А, мое любящее дитя Валерена. И ее паж.

– Это мой сын, отец.

Пронзительный хохот доносился до нее со всех сторон.

– У меня есть глаза, видящие дальше и глубже, чем эти рубцы. Но с кем или с чем ты спишь – это твое личное дело. – И через мгновение: – Ты ведь в самом деле Валерена? Или ее Другая?

– Я Истинная Валерена.

– Это утешает. Иногда мне кажется, что ты присылаешь ко мне Другую, когда совесть беспокоит тебя.

Чувствуя за собой вину, Валерена попыталась сменить тему разговора:

– Зачем ты нас позвал?

– Самые пессимистические прогнозы подсказывают мне,

что тварь уже на П. Джексонике-3 и что ее опознали. Скоро все Президентство наполнят путешественники, разносящие тревогу. Мы считаем, что игра началась. Скоро они разнюхают след и придут сюда. И тогда мы захватим сторожевой корабль для Дома Трегессеров.

– Ты недооцениваешь их, – устало произнесла Валерена. Они уже спорили об этом прежде. – Ты рискуешь существованием самого Дома Трегессеров, выступая против силы, о которой знаешь только из отрывочных сообщений уцелевших участников Энхерренраата.

– Моя защита не уступает той, что есть у них. И у меня есть Лупо. Дальше все решит огневая мощь. Когда сторожевик придет сюда, он окажется отрезанным от Паутины, и его щиты не выдержат такого интенсивного огня. Капитуляция или смерть. Это единственный выбор, который они предоставляют остальной Вселенной. И тогда Дом Трегессеров получит в свое распоряжение сторожевой корабль, адскую карусель и секрет, позволяющий поднимать такую массу по Паутине.

– Это не стратегия, а призрак Энхерренраата. Они тоже считали, что оружейная мощь принесет им победу. И они погибли, а сторожевики – нет. Только стали на пятьсот лет мудрее.

– На пятьсот лет дряхлее, дочь. На пятьсот лет застыли на старых путях.

И тут вмешался Блаженный:

– А меня ты зачем позвал, дедушка?

– Ты наследник моей наследницы. Пришло твое время узнать, почему мы с твоей матерью обзавелись двойниками: так мы можем работать над нашим замыслом, не опасаясь зависти меньших Домов и враждебного вмешательства Сто-рожевого флота. Они не заподозрят нас в заговорах и двой-ной игре, пока их шпионы видят, как наши Другие целиком посвящают себя заботам Дома Трегессеров.

Внезапно существо в колоколе взревели:

– Трегессеры готовились тысячу лет! И для нашего поко-ления этот час наконец настал!

– Да, дедушка. Но где ты раздобыл крекелена? Считается, что они вымерли.

– У меня есть свои источники, мальчик. Валерена! Мне нужна женщина. Пришли еще одну. И на этот раз выбери такую, у которой еще остались силы. Последняя оказалась просто старой развалиной.

– Она была на двадцать лет моложе меня! – вспыхнула Валерена.

– Ах вот как? Тогда, может быть, лучше взять тебя, раз в тебе еще достаточно сил. – Огромный, напоминающий цве-том червяка отросток проскользнул сквозь неожиданно от-крывшуюся щель в дне колокола. – Иди сюда.

– Нет.

– Тогда пришли такую женщину, которая бы мне понравилась. Или сама займи ее место. Ступай прочь. Больше мне

от тебя ничего не нужно.

Похожий на скелет гондольер поплыл к выходу в коридор.

* * *

– Ноа!

Крылатое черное существо спустилось между скачущих молний и устроилось на металлическом выступе гигантской машины.

– Как я выглядел, Ноа?

– Как само безумие.

– Думаешь, они поверили?

– Несомненно.

– Ха! Значит, они попытаются меня убить?

– Когда-нибудь.

– Скоро?

– Нет, не очень. Сначала дождутся, когда вы захватите сторожевик. Они хотят украсть вашу победу.

– А еще хотят остаться в стороне, если у меня ничего не получится, так?

– Да, лорд.

– Валерена знает, что она не первая Валерена?

– Думаю, нет. Вы слишком балуете ее, лорд.

– У меня нет другой наследницы.

– Вам решать, как вас будут хоронить.

– Если я стану настолько беспечен, что она дотянется до

меня здесь, значит Дом Трегессеров так или иначе заслуживает более бдительного и агрессивного руководства.

– Так уж повелось.

– Приглядывай за ними. Чтобы ни один волосок с них не упал без твоего ведома.

– А что делать с женщиной, которую они пришлют?

– Забери себе, если хочешь.

– Благодарю, лорд.

* * *

Колокол Саймона Трегессера наполнился туманом. Представление снаружи стремилось к оглушительному крещендо. Молнии и кольца дыма расплзались по поверхности колокола настолько, что никакое зрение уже не смогло бы пронзить этот хаос.

Колокол поднялся и исчез в чреве машины. Хаос кончился. В сфере воцарилась тишина. Одиноким крылатый силуэт парил среди полного безмолвия.

Искусственные глаза Саймона Трегессера смотрели сквозь стену колокола на его главный секрет. Существо умышленно приняло самые отвратительные, почти дьявольские формы – возможно, в ответ на устроенное представление. Трегессер широко улыбнулся – настолько, насколько позволяли изуродованные губы. Валерена ни о чем не догадывалась, но существо из Внешнего космоса должно было

добыть сторожевой корабль для Дома Трегессеров.

Он на это надеялся.

Однако в его темном сердце прорастали точно такие же сомнения, как те, что дочь бросила ему в лицо.

А еще он не доверял посланцу Айона – союзника, чьи увещевания заставили Дом Трегессеров перейти от бесконечных приготовлений к продуманным действиям. Саймон Трегессер не доверял никому, кто не находился в полной его власти, за исключением Лупо Провика. Лупо был его здоровыми руками, здоровым телом, а порой и мозгом.

«Что за детская похвальба, Саймон Трегессер? Чего мы добьемся, нагромождая планы внутри планов? Есть только одна цель. Так приступим же к ней с надлежащим священным усердием».

Трегессер ощутил его презрение. Отвратительное чудовище. Струйка кислорода, запущенная в этот метановый сумрак, заставит его извиваться в огне. Когда-нибудь... в тот момент, когда сторожевой корабль сдастся.

– Ты слышал, что сказала моя дочь? Между нами говоря, я разделяю ее сомнения. Ты хочешь, чтобы я бросил вызов судьбе, рассчитывая только на твои щиты.

«Ничего совершеннее в этом мире нет и быть не может. Они не уступают тем, которыми оснащены сторожевики».

– Это ты так говоришь.

«Наши наблюдения во время энхерренраатских событий не оставляют никаких сомнений».

– Всегда есть место для сомнений, когда чувствуешь непреодолимое искушение. Если ты так близок к тому, чтобы начать, можешь считать себя покойником.

Существо не ответило.

– Теперь, наверное, слишком поздно. Я уже завяз в этом деле.

«Завяз, Саймон Трегессер. Навсегда».

* * *

Дышащий метаном союзник Саймона Трегессера послал свою мысль вибрировать в Паутине. Каждое событие должно быть зафиксировано, иначе оно окажется утерянным.

Существо Трегессер было право. Чтобы видеть работу щитов сторожевика под нагрузкой, необходимо подобраться к нему так близко, что у наблюдателей не останется шансов выжить. Они должны оставить свою информацию в Паутине.

Это существо тоже оставит такое наследие, если придет время.

Важно было только то, что сторожевой корабль должен прийти. Что его нужно проверить на прочность и, в случае успеха, спасти от ложных амбиций глупцов и неверящих.

Сторожевой флот грозил уничтожить правду о Темной тропе.

Смерть не имела значения. Смерть была всего лишь конечной точкой. Темная тропа расходилась в десяти тысячах

разных направлений, но заканчивалась всегда в одном и том же месте – в пасти Разрушителя.

Но всегда лучше быть ножом, чем жертвой, павшей от него.

Третий вахтмастер вышел из люка. Вонь, шум, непривычные изогнутые очертания станционного дока на мгновение ошеломили его. Эти существа за пределами кордона СТАЗИСа... в большинстве своем они даже не были людьми.

Его тело машинально продолжало движение, пока дородный, краснолицый мужчина не произнес:

– Коммандер Хагет? Я директор станции Шиллиго Магнахс. А это Гитто Оттен, начальник службы безопасности и контроля.

Вахтмастер щелкнул каблуками.

– Как положение, джентльмены?

Он не выносил излишних церемоний. Они отнимали много времени.

– Спокойное, коммандер. Путешественник пристыкован и надежно закреплен. Печати СТАЗИСа установлены, объявлен карантин. Ни малейшего электронного шума не вышло наружу. Мы ожидали вашего прибытия, чтобы продолжить.

– Приемлемо. Военконсул останется доволен. Пойдемте посмотрим на путешественник, который выплевывает мифических негуманоидов.

– Мифических, коммандер?

– Легендарных и вымерших, если вам так больше нравится. Зонд определил, что в капсуле находится оборотень-кре-

келен.

– Но это же...

– Вот именно. Невозможно. Да, солдаты сейчас прочесывают Чолот-Варагону. Скоро эта тварь будет у нас. Потом мы проверим, настоящий ли он.

Вахтмастер продолжал осматривать док, борясь с ощущением дискомфорта. Он слишком долго не покидал «VII Гемину». Совсем позабыл, как переполнено теперь полукровками пространство Канона.

Начальник станции почувствовал его недовольство, но истолковал неверно.

– Простите за беспорядок и бесцеремонные взгляды, командер. Мы здесь так редко видим вашего брата, а любопытство обычно приводит к хаосу в доках.

Вахтмастер сухо усмехнулся:

– Дипломатично сказано, начальник станции.

Курьерский катер с «VII Гемины» разместили в четырех отсеках от чолотского путешественника. Прогулка вышла короче, чем ежедневный маршрут вахтмастера на пост в Вахтенном зале. Этого времени не хватило, чтобы успокоить нервы.

Карантинный участок дока был должным образом запечатан и взят под караул. Вахтмастер подслушал, как столпившиеся зеваки обсуждают его самого и сопровождающих:

– Банда чертовых зомби.

– Я вот думаю: если кто-нибудь из них улыбнется, у него

морда не треснет?

Вахтмастер посмотрел на говорившего. Тот залился краской, потерял всякий интерес к происходящему и поспешил прочь.

* * *

Оператор СТАЗИСа положил коммуникатор обратно на подставку.

– Сейчас откроется.

Загудели механизмы. Команда СТАЗИСа подняла оружие. В вестибюле застучали дверцы машин, водители приготовились принять арестованных. Входной люк чолотского путешественника открылся.

Третий вахтмастер вошел внутрь. Офицеры путешественника вздрогнули. Вместе с ними стоял сухощавый краснолицый пассажир. Отделка одежды выдавала его высокое положение в Доме Чолотов.

Невысокий мужчина шагнул навстречу и протянул руку, но вахтмастер словно бы и не заметил ее.

– Коммандер Хагет? Я капитан Тиммербах.

Вахтмастер кивнул.

– Как у вас дела? – Он посмотрел на пассажиров, собравшихся в узком проходе позади команды. – Все вышли?

– За исключением двух негуманоидов, которым необходимы особые условия.

– Хватит ломать комедию! Я требую, чтобы вы немедленно отменили этот нелепый арест!

Вахтмастер даже не взглянул на штатского.

– Этот человек не прошел проверку на адекватность, – сказал он ближайшему солдату из Р-Р-команды. – Проследи, чтобы его обработали в последнюю очередь.

– Есть, сэр.

– Черт возьми, послушайте, вы... вы хоть знаете, кто я такой?

– Нет. И мне это глубоко безразлично.

– Для вас было бы лучше поинтересоваться. Я Ханхл Чолот, из директората Дома Чолотов.

Капитан Тиммербах, весь дрожащий, покрасневший и вспотевший, попытался успокоить представителя своих хозяев.

Третий вахтмастер повернулся кругом и приказал:

– СТАЗИС, когда закончите обработку, задержите директора – как важного свидетеля. Если он не изменит своего поведения, придется переправить его на «VII Гемину».

Поведение Чолота изменилось мгновенно, пусть и не вполне искренне. Даже чиновник нижнего разряда, совершающий первую поездку и не знакомый с порядками Паутины, не допустит, чтобы его затащили на сторожевой корабль, если, конечно, надеется снова почувствовать землю под ногами.

«Славное утраченное» ничем не отличалось от других старых путешественников. Кораблестроители Дома Маджелайнов производили только три базовых образца: массивные грузовые перевозчики, более распространенные грузопассажирские путешественники и странники яхтенного типа для богачей. Все корабли одного класса походили друг на друга, как близнецы.

Тот ужас, который вахтмастер обнаружил при осмотре пассажирских кают, был внесен в декларацию. Тиммербах предупреждал его, что «Славное утраченное» перевозит двух негуманоидов, ступивших на борт на Атлантовом Рубеже. Однако...

Одно существо напоминало гидру и морскую звезду, слившихся в любовном экстазе поверх кучи вывалившихся внутренностей. Некая разновидность колонии разумных симбионтов. Оно дышало метаном, поэтому не могло стоять у входа вместе с другими пассажирами.

И оно было отвратительно.

Какое, к дьяволу, могло быть оправдание тому, что эта мерзость разгуливает на свободе? Куда катится Канон?

По контрасту, второй, мерцающе-золотой негуманоид, глядевший из угла своей каюты, казался почти естественным. Вахтмастер не сумел опознать его. В декларации о нем

говорилось очень расплывчато. Но документы оказались в полном порядке.

В нем было что-то успокаивающее. Проведя всего мину-ту в его каюте, вахтмастер ощутил умиротворенность и без-различие. Он двинулся дальше, не задав больше ни одного вопроса.

* * *

Р-Р-команда прочесала каждый миллиметр путешествен-ника. Извлекли всю информацию из всех банков данных, рассортировали ее и проверили, затем обдумали и обнюха-ли. Ничего не всплыло. Чолотский путешественник не был замешан в незаконных действиях. Если и возможно было что-то ему предъявить – разве что жалкую небрежность. Ка-кие-то тайны могли скрываться только в головах пассажиров или экипажа.

Их тоже тщательно проверили, за исключением двух негу-маноидов, для которых не удалось найти подходящих зон-дов. Ханхла Чолота допросили трижды, а третий вахтмастер вежливо объяснил свои действия необходимостью выяснить, не замаскировался ли оборотень под отпрыска Дома Чоло-тов.

Ханхл Чолот оказался настолько же туп, насколько хитер был крекелен. Он целиком и полностью поверил этой выдум-ке.

На борту корабля не обнаружилось никаких доказательств вины. Третьего вахтмастера это нисколько не удивило. Он и не ожидал узнать здесь что-нибудь полезное.

Возможно, что-нибудь прояснится, когда «Гемина» проанализирует полученную информацию.

Тортил посмотрел на солдат, поежился и вздохнул. Страх пробежался холодными пальцами призрачного прошлого по его телу. Он тихо посмеялся над собой. Ему нечего было бояться. Документы у него подлинные. Страшно – это когда ты вынужден рисковать другими.

Но прошло так много времени с тех пор, когда он в последний раз сталкивался с пренебрежением и подозрительностью солдат Канона и испытывал на прочность свои нервы.

– Совсем размяк, – пробормотал он и двинулся дальше, пока его нерешительность не привлекла внимания.

Солдаты у эскалатора Верхнего города, предупрежденные о его приходе, едва взглянули на пропуск. У лифтов Высшего города хлопот с ними гораздо больше. Гарнизон не беспокоило то, что террористы могут добраться до Верхнего города. Но святыни Высшего необходимо было защищать всеми доступными силами.

Часовые у лифта не смогли найти предлога, чтобы отказать ему. В конце концов, он получил приглашение от самого лорда Аскеназри.

Солдаты не стали рисковать. Один отправился вместе с ним. Двое остались ждать. Его затолкали в бронированный автомобиль, который казался в большей степени тюрьмой для находящегося внутри, чем защитой от тех, кто оставал-

ся снаружи. Он не видел сказочных шпилей Высшего города – наполовину энергетических сооружений, пронизанных радугами. Не видел ни одного из этих совершенных людей на омываемых ветрами поднебесных улицах. Не видел ничего, кроме металлических перегородок и безразличного лица солдата, чья общительность колебалась в пределах от сопения до кряхтения.

Машина со скрипом остановилась. Спутник Тортила не сдвинулся с места. Он тоже остался сидеть, пока не опустилась задняя стенка. Смутно знакомая женщина махнула ему рукой, и Тортил вышел на залитый солнцем двор, окруженный стенами, за которыми скрывалась остальная часть Высшего города.

– Ты ведь Лона?

Прошло много лет с его последнего посещения Высшего города.

– Я Карла. Лона была моей матерью.

Это было очень давно. И он забыл, что лорды Канона – те, что обошли своих врагов, – омолаживали только самих себя, но не тех, кто им служил.

Эта женщина могла еще не родиться, когда он в последний раз посещал Высший город Мерод-Шена.

* * *

Лорд Аскеназри был худым как спичка, морщинистым

стариком, с настолько черной кожей, что она отливала синевой. Целая шеренга приборов поддерживала его дыхание. Когда Тортил в последний раз навещал его, лучшие дни лорда уже оставались в прошлом, но все-таки он был полон сил и здоровья, полностью контролируя как себя, так и свое окружение.

В комнате больного находился еще один человек. Он неподвижно стоял в сторонке, скрыв лицо под капюшоном, скрестив руки на груди и спрятав ладони в рукава. Этот незнакомец был одним из врачей Дома Трокваев – в той же мере целитель, в какой и священник, в равной степени провозвестник неизбежности и надежды. Тортил почувствовал себе неуютно под его безразличным взглядом.

Он посчитал, что это мужчина, но врач с тем же успехом мог оказаться женщиной, а то и вовсе не человеком. Никаких очевидных подсказок Тортил не отыскал.

Запах разложения пропитал комнату. Великий убийца по имени Время прочно обосновался там, и его присутствие являлось терпеливым и безжалостным. Мириады заклинаний Дома Трокваев могли обуздать убийцу на непостижимый для обездоленных детей Нижнего города срок, однако шептунья все равно проскребала, прогрызала стену и запускала в трещины свои темные щупальца. От нее нет спасения даже самым богатым и могущественным.

Тортил помнил Аскеназри веселым юношей, слонявшимся вместе со сверстниками по притонам Нижнего города и

накапливающим долги, которые теперь лорд имеет возможность выплатить. Все его друзья давно умерли. Он остался один в своем роде, как и Тортил.

Глаза лорда приоткрылись. Они следили за Тортилом без всяких эмоций или явного интереса.

– Я пришел.

Ответ донесся из машины, усиливающей гортанный шепот:

– Ты не очень спешил.

Слова его вылетали тихими, словно стук игральных костей, толчками, перемежаясь со слабым кашлем.

– Я уже приходил раньше.

– По моему требованию. И отказывался от платы за услуги.

Это был давний спор. Тортил не клюнул на приманку. Пусть он угаснет в темноте, так и не поняв, что мог бы помочь кому-то той далекой ночью. Ради такой древности не стоит напрягаться в философской дуэли.

– А теперь я пришел.

– Чтобы принять... наконец?

– Да.

– И что это будет? Пропуск? Кредит? Документы?

– Нет, я хочу, чтобы вы спасли некоторые горячие, но глупые головы от последствий их глупости. Как я сам когда-то спасал других юнцов от их безрассудства.

Голубовато-серые глаза Аскеназри посмотрели на него

стальным взглядом, который в лучшие годы лорда действовал так устрашающе.

– В Мерод-Шене появился крекелен. Он принес с собой старый шепот о восстании. Нашлись уши, готовые его слушать. А теперь найдутся руки, готовые поиграть в революцию.

– Крекеленов истребили, когда я был еще совсем щенком.

– Крекелен появился. Я сам его видел.

Аскеназри не стал спорить.

– И где же сейчас этот мифический монстр?

– На борту чолотского путешественника «Славное утраченное», который направился к П. Джексонике-3. В Чолот-Варагону.

Недоверие в серых глазах старика приутихло до сомнений.

– И чего же ты хочешь?

– На этот раз они нарекли себя Содружеством. Как всегда, намерены разрушить Высший город и захватить арсенал гарнизона, чтобы не допустить высадки карателей. Они не воспринимают голос разума. Они не верят в сторожевые корабли. Я хочу, чтобы вы шепнули в нужные уши. Я хочу предотвратить все это, пока сюда не прибыл сторожевой корабль.

– Какой сторожевой корабль?

– Который должен прилететь после того, как крекелен попытается высадиться на П. Джексонике. Чолот-Варагона по-прежнему под Запретом.

– И это все, чего ты требуешь?

– Этого достаточно. Жизни за жизни.

– У меня больше нет власти.

– Но люди все еще прислушиваются к вашим словам, лорд.

– Ты удивишься их глухоте.

– Сомневаюсь. Безразличие вашей расы к доводам разума перестало меня удивлять задолго до того, как вы появились на свет. Пусть гарнизон покажет свою мощь. Пусть арестует известных зачинщиков. Пусть даст крепкого пинка остальным. Пусть поднимется стон, лишь бы остановить безумие. Чтобы Мерод-Шен по-прежнему стоял, когда сторожевик отправится дальше своей дорогой.

Старик не ответил. Его глаза закрылись. На мгновение Тортил испугался, что потратил свой запал впустую. Он умоляюще посмотрел на троквайца...

Врач даже не шевельнулся. И Тортил успокоился. Убийца еще не пришел. Иначе маг проявил бы все свое искусство. Дом Трокваев не знал пощады в борьбе со смертью.

Глаза лорда Аскеназри открылись. Он через силу улыбнулся:

– Я сделаю все, что смогу. Чтобы вернуть тебе долг, а не потому, что меня хоть как-то волнует, что происходит в Нижнем городе.

– Я понимал это еще до прихода сюда. Но ваши мотивы не имеют значения, если вы сделаете то, что обещали.

Тортил поклонился, скрестил пальцы в примирительном жесте, который ожидал от него трокваец, и вышел из комнаты.

Врач словно бы подплыл к своему подопечному. Наклонился и заглянул в глаза.

Карла проводила Тортила к машине. Его затолкали внутрь, и по дороге назад он опять ничего не увидел в Вышем городе.

От напряжения мускулы на плечах и затылке завязывались узлом. Третьему вахтмастеру ужасно хотелось принять еще одну дозу релаксанта, но он не решался, опасаясь, что совсем отупеет.

Предстоящая процедура в Зале решений пугала вахтмастера. Однако он надеялся, что следователи не найдут причин, чтобы допрашивать его.

Зал решений открыли в первый раз за десятки лет. Даже Богоравные сошли со своих экранов и предстали в голографических образах.

Третий вахтмастер сидел на скамье свидетелей вместе с крекеленом (досуха выжатым ребятами из Р-Р-команды и вялым, как овощ), женщиной-солдатом, которая его поймала, командиром ее батальона, несколькими жителями Нижнего города Чолот-Варагоны, капитаном Тиммербахом, директором станции Магнахсом и начальником службы безопасности Оттенном. Перед ними на возвышении восседал на троне аватар Богоравного Коула Мармигуса, номинального хозяина «VII Гемины». Истинная власть принадлежала диктаторам, чьи тронные места располагались по обеим сторонам от Мармигуса, чуть ниже его. Главная задача Мармигуса заключалась в наблюдении за ежегодными выборами двух командующих кораблем.

Примечательно, что трон одного из диктаторов пустовал. Ханавер Страт предпочел занять кресло военконсула – среднее из тех трех, что стояли еще ниже. Он не хотел поддерживать впечатление реальности диктаторов.

Ряды тронов вдоль обеих стен зала занимали Богоравные. Третий вахтмастер в первый раз видел их всех сразу.

Так много! Сотни и сотни... Но трех тысячелетий вполне достаточно для бесчисленных обожествлений.

Вахтмастер встретился взглядом с той женщиной, что поймала крекелена. Она выглядела напряженной и до крайности растерянной.

Торжественная церемония в честь хранителя подошла к концу. Богоравный Коул Мармигус поднялся с трона:

– Хватит бессмысленных восхвалений! Давайте закончим со стандартными процедурами и перейдем к более интересному.

Третий вахтмастер испытал потрясение. При жизни Мармигус имел репутацию противника всяких формальностей, но при официальном расследовании необходимо соблюдать протокол.

– Начнем с крекелена. На этот счет в законе нет никаких неясностей. Проклятые твари признаны бесполезными. Мы можем его только уничтожить. Но военконсул попросил об отсрочке. Он надеется использовать крекелена против тех, кто его выпустил. У кого-нибудь есть возражения? Нет? Военконсул, получите свою зверушку.

В те дни у Ханавера Страта имелись все козыри на руках, его при жизни избрали диктатором без каких-либо возражений со стороны вечно всем недовольных Богоравных.

– Следующий пункт. Чолотский путешественник «Славное утраченное». Р-Р-команда и СТАЗИС не нашли оснований для ареста судна. Его капитан попросил снять карантин.

Третий вахтмастер вытянулся по стойке смирно, щелкнул каблуками и поднял кулак вверх.

– Коммандер Хагет, – представил его консул.

– Господа Богоравные. Хотя ничего определенного установлено не было, я все же настаиваю на том, что с путешественником что-то неладно.

Тиммербах выругался. Военконсул широко улыбнулся вахтмастеру. Интуиция не подвела его. Остальные смотрели на вахтмастера так, словно он был подставным лицом боевого состава.

– Что же вас беспокоит, коммандер? – спросил Страт. – Негуманоиды?

– Да, сэр.

– Разве их документы не в порядке?

– Если это можно назвать документами, то они безупречны. Но ужасно скудны.

– Именно! Спасибо, коммандер.

Военконсул продолжал говорить, но третий вахтмастер ничего не слышал. Мягкая, как подушка, тишина опустилась на скамью свидетелей.

Тиммербах жаловался на судьбу всем вообще и никому в частности.

Военконсул, похоже, горячо спорил с Богоравными. В этом не было смысла. В электронном мире все доводы можно просчитать за пикосекунды.

Хагета осенило в тот момент, когда двое сотрудников корабельной службы безопасности молча вошли в зал, чтобы увести крекелена. Военконсул и Богоравные, крекелен и свидетели – все это части большого представления для медлительного биологического разума. Если кто-то из экипажа вообще это видел.

– Сэр?

– Да?

Ощущение было не из приятных. К нему подошли еще два безопасника.

– Военконсул хотел бы пригласить вас в свою каюту. Не могли бы вы пройти с нами?

Третий вахтмастер развернулся и с совершенно пустой головой вышел из зала.

Саймон Трегессер толкнул ногой свою личную закрытую гравитационную лодку, проплыл через огромный информационный центр штаба и завис рядом с Лупо Провиком. Включил усиление искусственных глаз, но так и не понял, чем заинтересовался его стратег.

– Свежая информация, Лупо?

Провик обернулся, и тень раздражения на его невзрачном, обрамленном рыжими волосами лице тут же угасла, сменившись обычным холодным спокойствием. Выдавал его только взгляд серо-голубых глаз, твердый, как алмазное сверло.

– Просто вырвалась новая оружейная платформа. Сейчас мы начнем перекачивать данные разведки.

Никакого почтения. Лупо никогда не величал его по титулу. Ни от кого другого Саймон этого не потерпел бы. Но за преданность Лупо не нужно было платить монетой утраченного. Провик находился рядом с ним всю жизнь. Провик придумал план, с помощью которого Саймон избавился от своего отца, тирана и садиста. Провик обнаружил хитрые ловушки в замыслах Валерены, которые просмотрел его собственный гений. Как телохранитель Провик оплошал лишь однажды. И не прощающий ошибок Саймон Трегессер простил его.

Саймон не понимал Лупо Провика, но охотно его исполь-

зовал и даже любил, на свой особый лад. Лупо был именно таким бесстрашным, безжалостным и блистательным, каким воображал себя самого Саймон Трегессер. И не представлял угрозы. Один раз он ошибся в защите, но в нападении был непобедим.

Саймон особенно ценил Лупо за то, что тот не боялся Сто-рожевого флота. Мало о ком можно было такое сказать.

– Что-нибудь интересное?

– Стандартный набор. Древняя система прицеливания. Ничего достойного внимания.

Провик пытался создать модель движения сторожевых кораблей. И после долгих лет работы мог предсказать с вероятностью пятьдесят на пятьдесят координаты шести из них.

Немного разочарованный, Трегессер отплыл в сторону. Он выругался сквозь зубы на стайку компьютерных техников чтрай'эл-и.

Негуманоиды! Чужаки повсюду! Центральный штаб наводнен ими. Но не было никакой возможности набрать людей, которым хватило бы духу бросить вызов Сторожевому флоту. Мужество и решимость – вот рецепт достижения невозможного!

В его голове блуждало праздное любопытство: много ли среди этих монстров агентов внешних Домов? Наверное, большинство. Но это не имело значения. Лупо проследит за ними.

* * *

Провик смотрел, как его наниматель отплывает прочь. Он больше не чувствовал раздражения. Вообще ничего не чувствовал. Саймон Трегессер являлся всего лишь приспособлением, маской, инструментом, средством, с помощью которого Лупо Провик подчинял своей воле Вселенную, якобы управляемую языками и пальцами лордов Великих Домов. Саймон Трегессер пользовался преданностью и защитой Лупо, пока разделял его жгучее желание построить империю.

Со стороны все выглядело так, будто у Лупо Провика нет иных увлечений. Со стороны казалось, что Лупо Провик не имеет слабостей и уязвимых точек. Со стороны было похоже, что у него нет ни друзей, ни любимых. Со стороны он казался уверенным в том, что ничего не упустил.

Со стороны. Извне.

* * *

Размеры штаба соответствовали его задачам. В самые спокойные часы третьей смены пятьсот операторов оставались на дежурстве, чтобы контролировать внешние силы. Финансирование пришло из тех же источников, что и бóльшая часть персонала. Внешники отчаянно жаждали вырвать Па-

утину Канона из железной хватки Сторожевого флота.

Саймон Трегессер выдавил из себя улыбку. Валерена не смогла оценить гений того, кто вынудил внешников оплатить счета, а потом их же подставил под удар.

Трегессер следил за приближением нового корабля из наблюдательного купола. Он должен был установить для штаба защиту не хуже, чем у сторожевиков... и потерять шансы вернуться по Паутине обратно.

Когда придет сторожевой корабль, ни у кого не будет возможности отступить.

* * *

– Саймон.

Трегессер отвел взгляд от боевого корабля.

– Да, Лупо?

– В данных разведки появилась одна интересная информация.

Трегессер подождал продолжения.

– «ХП Фульмината» вырвалась из Паутины на Ц. Паянтнике. Пробыла там всего час, а затем поднялась снова и прыгнула – предположительно на Звездную базу Талса. Это первое появление «ХП Фульминаты» за шестнадцать лет.

– Не может быть так просто. – Трегессер злобно взглянул на боевой корабль. – Звездная база отдалена от Джексоники всего на дюжину якорных точек, правильно?

– Да.

– Это может быть как-то связано с нашей драмой?

– Нет оснований считать, что «ХП Фульмината» пойдет по следу. Но такой поворот возможен.

– Он что-нибудь меняет?

– Нет, огневая мощь «ХП Фульминаты» ничуть не выше, чем у других сторожевиков.

– Это было бы потрясающе, – мечтательно произнес Трегессер.

Ответа не последовало. Он развернул кресло.

Лупо снова принялся за работу, довольный тем, что репутация «ХП Фульминаты» не повлияет на их замыслы.

Трегессер хмыкнул. Он не мог остановиться, даже если бы захотел.

* * *

Саймона Трегессера мучило беспокойство. Насколько надежна та тварь, что спрятана глубоко внизу? Главная ее ценность заключалась в способности чувствовать, что творится за бесчисленными звездами. Как и было обещано, она сообщила, когда путешественник-приманка вырвался из Паутины у П. Джексоники.

Но с тех пор никаких новостей больше не поступало.

Трегессер был... озабочен. И монстр тоже, это было очевидно. Тварь странно реагировала, когда он требовал ответа.

Что-то пошло не так.

Он должен спуститься и проверить. Принесенные Лупо новости не обнадеживали. «ХП Фульмината», кто бы мог подумать?

Он отправил Ноа сигнал подготовить колокол.

В любом случае нужно избавиться от этой проклятой игрушки. Ничто не поможет чувствовать себя спокойно рядом с ней.

* * *

Лупо поднял голову и посмотрел вслед Трегессеру, подплывавшему к лифту в свое подземелье. Он поморгал, словно пытаясь разогнать дым перед глазами.

– Вернусь через несколько минут, – сказал он своим помощникам и, включив звуковой сигнализатор, направился к корабельным докам.

Валерена просила о встрече перед отъездом.

В каюте собрались пять человек, не считая обслуживающего робота: третий вахтмастер, женщина-солдат, Тиммербах, Магнахс и Оттен. Вахтмастер уставился в пол, гадая, что он сделал не так. Только Оттен и Магнахс о чем-то переговаривались.

Сверкнув улыбкой, в каюту вошел Ханавер Страт:

– Всем удобно? Все успели принять освежающего?

Только у женщины-солдата хватило дерзости ответить:

– Что мы такого сделали, сэр?

Военконсул озадаченно посмотрел на нее, а затем сказал:

– А, понял. Вы ошиблись, это не наказание. Я собираюсь использовать вас против того, кто послал крекелена, чтобы отвлечь наше внимание.

– Его кто-то послал, сэр?

– Так говорят Богоравные. Изначально крекелены были коллективными тварями, телепатически связанными между собой. Изолированный от сородичей индивид превращается в полного идиота, которого можно запрограммировать, как робота. Наш крекелен был запрограммирован на то, чтобы попасться.

– А это не слишком прямолинейно?

– Только глупец мог бы рассчитывать, что мы ничего не заподозрим. Кто-то ждет нашей реакции. Возможно, ждет,

что мы пойдем по следу. Но у нас есть преимущество. Случай привел нас сюда как раз в тот момент, когда это произошло. В результате мы выиграли два с половиной месяца – это минимальный срок, за который мог бы вернуться сторожевой корабль, получивший вызов. Коммандер Хагет, давайте изучим рапорт Р-Р-команды и попробуем найти там оправдание для ваших бурных эмоций.

Магнахс, Оттен и Тиммербах угрюмо покосились на третьего вахтмастера.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Хагет.

– Задержание было оправданным и своевременным. Вы избавили меня от необходимости самому это сделать.

– Там не обнаружилось ничего вещественного, сэр. Просто я чувствовал убежденность: что-то не так.

– Интуиция?

– Дело скорее в том, что я не смог провести допрос метанодышащего. Как только я попытался это сделать, сразу почувствовал такое отвращение, что выбежал вон.

– Но все же вернулись.

– И опять убежал.

– И опять вернулись. Но не хочу спорить о стандартах, которые вы сами для себя установили. А что со вторым?

– Этот меня больше беспокоит. Метанодышащий просто омерзителен. А со вторым все вроде бы в порядке. Но я так и не решился ни о чем его спросить.

Военконсул обернулся к Тиммербаху:

– Ваши люди испытывали что-нибудь похожее?

– Да, сэр. Я даже запретил пассажирам ходить по палубе

Б. Они не могли оставаться рядом с метанодышащим.

– А второй?

– С ним не возникало никаких проблем. Он ни с кем не общался. Просто хотел увидеть миры, которые мы посещали.

– Ага. Коммандер Хагет, откуда они появились? У метанодышащего есть оформленные на коммерческой основе временные документы курьера. Второй имеет дипломатический паспорт одного из Договорных миров.

– «Гемина» ничего не знает о метанодышащем, сэр. Известно только, что существует закрытый договор с родным миром второго пассажира, известного на путешественниках под именем Искатель Потерянных Детей.

– Звучит как описание работы.

Третий вахтмастер пожал плечами:

– Метанодышащий называет себя Посланником. Родина Искателя – система закрытого договора М. Меддиния в Шестом Президентстве, неподалеку от Атлантова Рубежа. Он постоянный клиент коммерческих рейсов между Шестым и Вторым Президентствами. Путешествует без какой-то определенной цели уже несколько сотен лет. Капитан говорит, что он не способен к общению. Но заплатил достаточно, чтобы его перевозили и не беспокоили.

Военконсул кивнул:

– Негусто. А что насчет второго?

– Колониальный разум, прежде неизвестный в пространстве Канона. Даже корабли, торгующие во Внешнем космосе, ничего о нем не знают. Погрузился на борт на А. Чанселори-3-Б с открытым маршрутом.

Страт снова кивнул:

– Капитан Тиммербах, системы Манезы – С. Л. Манезика и Б. Л. Манезика – расположены в том же Президентстве, что и А. Чанселори и М. Меддиния?

– Они соседи, сэр. Части одного скопления. Паутина там очень запутана, с множеством соединений между якорными точками.

– И хотя он не пересекался с вашим маршрутом до В. Ротики, крекелен начал свою одиссею с чолотского мира С. Л. Манезика-7. Очень интересно.

Капитан лишь пожал плечами.

Военконсул откинулся назад и сцепил пальцы:

– Богоравные говорят, что вероятность связи, по крайней мере между двумя негуманоидами, близка к единице.

Третий вахтмастер начал успокаиваться. Он хорошо справился со своей работой. Его не станут обвинять в том, что он не нашел информации, которой вообще не существует. Может быть, он даже получит положительный отзыв на комиссии по повышению... Взгляд военконсула развеял его самонадеянность.

Страт собирался понизить его.

Тонкие губы военконсула растянулись в дружескую, как

он полагал, улыбку.

– Все не так плохо, как вы думаете. Дело может закончиться тем, что вас переведут в боевой состав без понижения в звании.

Вот чертовщина!

– Сэр?

– Думаю, вы должны это понимать. Богоравные хотят проследить за ними. «VII Гемина» направляется к В. Ротике. Пока мы будем разыскивать хозяина крекелена, я хочу, чтобы вы с командой были на «Славном утраченном».

– Я с командой, сэр?

Женщина-солдат поняла все первой.

– Че-о-орт! – проворчала она.

– Я собираюсь отправить вас на чолотский путешественник. Сержант пойдет с вами. Вы будете держаться подальше от посторонних глаз. Всю грубую работу выполняют люди, которых мы найдем в СТАЗИСе П. Джексоники по временно-му контракту. Оттен, мне нужны три хороших оперативника, желательно добровольцы.

Мысли Оттена тенью пробежали по его лицу.

А Страт продолжал:

– Крекелена перепрограммируют и снова посадят на «Славное утраченное».

Магнахс, Оттен и Тиммербах зафыркали. Класс тихо выругалась. К Тиммербаху первому вернулся голос.

– Вы не можете так поступить, сэр!

– Можем и поступим, капитан. Вам заплатят за все неудобства. Возможно, даже снимут Запрет с некоторых чолотских систем. Вы будете рыдать из-за этого?

Тиммербах мог бы возразить, но решил держать язык за зубами.

– Рассмотрим косвенные улики, – предложил военконсул. – Крекелен начал путь с одного чолотского мира и закончил на другом, сделав последний шаг из мира Меродов под видом чолотского жителя, с чолотскими документами, на чолотском путешественнике, в компании члена директората Дома Чолотов. Предположим, вы имеете дело с «IX Фурией».

Тиммербах побелел.

«IX Фурия» имела привычку сразу открывать огонь, забывая задать вопросы. Или, как утверждали некоторые, сначала стрелять, а потом добивать уцелевших.

– Спасибо, что пришли ко мне, – сказал военконсул. – Коммандер Хагет, и вы, сержант, возьмите с собой личные вещи. В выходном отсеке вас ждут запечатанные приказы. А я поговорю с директором станции, начальником службы безопасности и капитаном, пока вы собираетесь.

Судя по виду троих названных, они отнюдь не пребывали в восторге.

Третий вахтмастер уныло поплелся к выходу. Он не отказался бы сейчас забыться с выпивкой или наркотиками. Женщина-солдат что-то проговорила, но он не разобрал

слов. Только хмыкнул и побрел к своей каюте. Некоторые были бы готовы на убийство ради такого шанса. Но послали на задание именно его.

И это казалось скорее наказанием, чем наградой.

По развалинам метался ветер, облизывая камни, бормоча и похохатывая. Суеверные жители Нижнего города считали, что руины населены призраками. Ветер приносил голоса, которые словно бы что-то говорили, если внимательно прислушаться.

А еще он приносил пыль и опавшие листья. Пыль забивалась под мигательные мембраны Тортила.

– Я совсем позабыл, как все здесь выглядит, – сказал он приземистому иммуну по имени Одинокый Майк. – Полночь не сможет выйти одна.

Одинокый Майк хмыкнул. Он был не из тех, кто любит поговорить. И иммуном он стал вовсе не из-за своих мыслительных способностей.

Тортил смотрел на Мерод-Шен за пустырями.

– Отсюда он похож на город снов. Нижнего города совсем не видно.

Этот вид являлся главной приманкой для туристов. Мерод-Шен сверкал на фоне подрагивающего гобелена оранжевого неба, Высший город колыхался, словно водоросли, среди торопливых пухлых облаков.

– Долго еще мы будем торчать в этой дыре, Тортил?

Они перебрались в штабной бункер археологических раскопок, заброшенный после того, как смена настроений в ди-

ректорате Дома Меродов оставила их без финансирования. Бункер был уютным, но примитивным. Одинокiй Майк противился этому, поскольку чувствовал себя отрезанным от дела.

– Пока не выясним, сумеет ли лорд Аскеназри поднять гарнизон. Возможно, еще несколько дней. Если у него ничего не получится, мы переждем все это здесь.

Тортил рассчитывал, что до прилета сторожевого корабля оставалось еще по меньшей мере три месяца. Иммуны заготовили припасы на шесть. Беспокоиться о более отдаленном будущем не имело смысла. К тому времени станет ясно, что делать дальше.

День начал угасать. Верхний город заискрился светом. Но вскоре его сияние затмили волшебные огни Высшего города. Тортил еще понаблюдал за Мерод-Шеном некоторое время, неподвижный, словно старая каменная глыба, на которой он сидел. Затем спустился для ужина и ежедневных и совсем не дружеских переговоров с представителем Содружества.

Эти глупцы наотрез отказывались понимать ответ «нет». Пока иммуны не признавали Содружества, половина Нижнего города поступала так же. Тортил предполагал, что скоро начнутся прямые угрозы.

Этой ночью Янтарная Душа заставила Посланника бежать без оглядки, с сердцем, готовым разорваться от ужаса.

Три ночи подряд глупцы из Содружества посылали в атаку на развалины самых невежественных обитателей Нижнего города. Три ночи подряд Янтарная Душа обращала их в бегство.

– Как будто, убив нас, они убедят всех в справедливости своего дела, – сказал Тортил. – Может быть, и так. Но оно обречено. А они не понимают этого. Они никогда не задумываются и ничему не учатся.

Наступила четвертая ночь. Издали докатились крики дозорных.

– Опять началось, – пробурчал Тортил. – На этот раз они у нас отправятся по домам, зажав под мышкой собственные головы.

Он ощутил прикосновение Янтарной Души. Дело оказалось совсем не в этом. Лорд Аскеназри потерпел неудачу.

– Будь оно проклято!

Тортил ринулся вверх.

Взрывы грохотали с такой яростью, что их приглушенное эхо разносилось на пятнадцать километров и достигало развалин. Сказочные башни Высшего города накренились на тридцать градусов.

– Им не хватило ума сбросить тросы.

– Или у них не получилось.

– Похоже, они упадут на Верхний город.

Непоправимое надвигалось уже давно, и вот оно произошло: Высший город опустился на Верхний и опоры Верхнего рухнули. Тортил представил себе крики, несущиеся вместе с грохотом.

– Я пошел собирать.

– Зачем?

– Мы должны сделать все, что в наших силах, для тех, кто остался в живых.

– Не сегодня, – вмешался Одинокый Майк. – Сегодня мы должны отыгаться.

И то верно. Там сейчас начнется ад. Все должно идти своим чередом.

* * *

Весь день облако дыма стервятником сидело на костях Мерод-Шена. С приходом ночи на гигантском птичьем брюхе расцвели красные отсветы пожаров. Тортил смотрел на город, пока иммуны собирались перед долгим переходом. Полночь шептала себе под нос тихие жалобы, ни к кому конкретно не обращаясь.

Над умирающим городом взорвался дедушка всех артиллерийских снарядов.

– Ядерный взрыв! – закричал кто-то. – Ударная волна...

– Нет! – рявкнул Тортил. – Не будет никакой взрывной

волны. И никакого звука.

– Но...

– Это сторожевой корабль вырвался из Паутины. Они уже здесь.

– Как же так? – спросила Полночь. – Ты же говорил, что им потребуется не один месяц.

– Не потребовался. Должно быть, один из них находился на П. Джексонике. Или достаточно близко, чтобы быстро его вызвать. Идемте-ка все в бункер. И молитесь, чтобы это оказалась не «I Примагения».

Военконсул смотрел на стену. Полученная информация рисовала мрачную картину.

– Связь, есть что-нибудь со станции В. Ротики?

– Так точно, военконсул. Циклическое предупреждение на аварийной частоте СТАЗИСа. Обычная радиопередача. Не лучевая и не импульсная.

– Прошло много времени, – сказал военконсул первому вахтмастеру, ожидая необходимых данных, чтобы определить, какое количество солдат следует разбудить.

Наверху волновались и переругивались позабытые Бого-равные.

– Ведите корабль к станции, – приказал Страт.

Оптический экран показывал огромное колесо, свободное от кораблей.

– Внутрипланетные восстания редко ввязываются во внешние операции, – заметил сверху Коул Мармигус.

– Это ввязалось. Зондирование?

– Там есть живые люди, сэр. Но с такого расстояния трудно определить их лояльность.

Военконсул резко оглянулся.

– Я разберусь с этим, сэр, – сказал первый вахтмастер.

– Оставьте.

– Я не могу допустить, чтобы мои люди грубили началь-

ству.

– Забудьте. – Страт сосредоточил внимание на стене. Там, внизу, все было очень плохо. – Зал личного состава, разморозьте одну полковую десантную группу для действий на планете.

– Военконсул, со станции только что стартовало маленькое судно, – послышался чей-то голос. – Похоже на внутрисистемное. Рудовоз или что-то в этом роде.

– Хорошо.

– На борту никого живого, сэр, – добавили из группы зондирования.

– Направляется в нашу сторону, сэр.

– Хорошо, – повторил Страт. Суденышко являлось мошкой, не более того. – Нам нужны люди, чтобы очистить станцию от повстанцев. Богоравные, можете что-нибудь посоветовать? На моей памяти мы еще не садились на станции.

Богоравные имели доступ ко всей информации «Гемины». Кроме того, следовало соблюдать дипломатию – советоваться с ними при случае.

– Рудовоз ускоряется до девяти «же», сэр, – отметил первый вахтмастер.

– Хорошо.

– Военконсул, мы предлагаем послать батальон, – сказал Коул Мармигус.

– Так много?

– Нужно удерживать коридоры и проходы в тылу ударной

группы.

Богоравный пропал с экрана. На его месте появился план станции с тактически важными точками, обозначенными красным цветом.

– Сложнее, чем я предполагал.

Страт вызвал Зал личного состава и распорядился разморозить необходимое количество солдат.

– Тридцать секунд до столкновения, военконсул.

– Хорошо. Выведите картинку на экран. А рядом покажите, как это должно выглядеть со станции.

Появились два изображения. На одном было колесо станции, тонкий рог далекой луны и приближающийся рудовоз. На другом – огромный грязно-белый, немного сплюснутый ромб, ползущий по звездному небу, и рудовоз, терявшийся рядом с его громадиной.

– Десять секунд до столкновения.

– Боевой щит на максимум, – приказал военконсул.

На изображении извне сторожевой корабль скрылся за масляным мерцанием.

– Пять секунд до столкновения. Три. Две. Одна.

Оба вида растворились в буре света.

Затем на изображении извне сквозь ядерную ярость провалился сторожевой корабль. Великий ужас даже не вздрогнул.

Военконсул усмехнулся.

– Какое-то мгновение они там, внизу, торжествовали. –

Его веселье тут же иссякло. – Давайте захватим станцию, пока они не очистили базы данных.

– Пленных брать будем?

– Не вижу смысла, кроме допросов, согласно УПД⁵. Богоравные?

Богоравные помалкивали. Большой палец вниз для героев В. Ротики.

«VII Гемина» высадила десантный батальон на станции, затем развернулась, и следующий штурмовой отряд направился уже к Мерод-Шену.

⁵ УПД – установленный порядок действий.

Джо Класс взяла себя в руки, прежде чем выйти в общий холл, разделявший каюты. Коммандер Хагет уже дожидался ее там, сидя в позе «смирно». Она подозревала, что он тоже испытывал неудобства, но не сочувствовала ему. Этот человек был невыносим. Он придерживался устава буквально во всем. Или пытался. Но на этот случай никаких правил не существовало, и он сходил с ума без прецедентов и постановлений.

– Доброе утро, коммандер.

– Доброе утро, сержант. Остальные подойдут с минуты на минуту.

Люди из СТАЗИСа жили в таких же апартаментах на другой палубе. Они пребывали в таком же восторге от этих утренних встреч, как и Джо. Эти встречи, по сути, являлись полной бессмыслицей. Если что-то случится, они вполне могут сообщить сами.

Дега и Ани-Каат, которые придерживались старомодного обычая брачного союза, постучались и вошли. Ани-Каат, неуклюжая, слишком широкозная женщина тридцати с лишним лет, с тонкими светло-русыми волосами, бледно-голубыми глазами и заученной улыбкой, была более общительной. Она выглядела слишком жизнерадостной для своей профессии. Но Джо она нравилась. Насчет Дега сержант еще

не определилась.

Темноглазый, оливковокожий, с вьющимися черными волосами, он был на два сантиметра ниже Ани-Каат. Говорил Дега мало. Он принадлежал к той породе людей, которым проще поладить с техникой, чем с людьми. Из-за его заискивающих манер Джо поневоле казалось, будто он все время оправдывается за то, что пытался куда-то прокрасться.

Джо подозревала, что Ани-Каат рада возможности совершить путешествие. Похоже, она была здесь единственным добровольцем. Дега согласился, чтобы не расставаться с ней. А Эра Ваджа, должно быть, просто подчинился приказу.

– Доброе утро, – приветливо сказала Ани-Каат.

Коммандер Хаген ответил выверенным кивком.

– А где Эра? – спросила Джо.

Разговор в основном поддерживала она. Хагет, вероятно, считал ниже своего достоинства напрямую обращаться даже к Эре Вадже – полковнику резерва армии Канона и второму помощнику директора СТАЗИСа на П. Джексонике-3-Б.

Иногда Джо так и подмывало хорошенько врезать по его достоинству.

– Опять вынюхивает что-нибудь, – пожала плечами Ани-Каат. – Он скоро придет.

Хагет нахмурился. Пунктуальность была одним из его идолов.

– У кого-нибудь есть что рассказать? – спросила Джо.

Ани-Каат покачала головой. А Дега прорычал:

– Есть тут одна тварь, по имени Ханхл Чолот. Если он и дальше будет распускать руки, все кончится тем, что ему переломают кости.

– Не кипятись, – сказала Ани-Каат. – Я сама с ним разберусь.

Джо тоже пришлось с этим столкнуться. Она собиралась узнать подробности. Но тут вошел Эра Ваджа. Без стука. Хагет побагровел.

– Простите за опоздание. Искатель решил прогуляться. И я подумал, что мне лучше остаться.

Настроение Хагета мгновенно изменилось.

– Что там случилось?

Ни один из монстров прежде никуда не выходил. А метанодышащий, разумеется, и не мог.

– Ничего особенного. Он подошел к двери Посланника и простоял возле нее двадцать минут. Потом еще десять минут – у двери крекелена. А потом вернулся к себе.

Хагет хмыкнул:

– Косвенное подтверждение гипотезы военконсула о связи между ними. Как нам поймать их на лжи?

– У меня такое ощущение, что Искатель недолюбливает Посланника, – сказал Ваджа. – Но много ли оно стоит, это ощущение?

– Не меньше, чем все остальное в нашей работе.

Джо задумалась, не взяли ли ее в команду, чтобы уравновесить Хагета. Время от времени она этим и занималась, по-

сколько имела склонность к импровизации.

Кто-то постучал. Коммандер указал троице из СТАЗИСа на каюту Джо.

– Ответьте, – велел он и скрылся в своей комнате.

Джо охнула, оказавшись лицом к лицу с Ханхлом Чолотом:

– Что вы здесь делаете?

Он попытался облапать ее и сразу помрачнел, когда она вывернулась.

А потом замер. Краска сошла с его лица. Он уставился в одну точку. Джо обратила внимание на его зрачки. Он был «под Марго».

А в глазах Хагета была сталь.

– Вам по-прежнему недостает хороших манер, Чолот. Возможно, нам следует сосредоточиться на этом.

Дега вышел из каюты Джо, постукивая кулаком в свою ладонь. На лице у него была фирменная хмурая гримаса СТАЗИСа.

– Вы должны забыть, что заходили в это помещение. Забыть, кого здесь видели, – продолжал Хагет. – По существу, вы должны вернуться в свои апартаменты и оставаться там. Вам понятно? Или вам нужны более прямые указания, чем вы получили на П. Джексонике?

Джо приходилось видеть много испуганных людей, но такого испуганного, как Чолот, – никогда. И все же она не доверяла этому страху. Чолот слишком привык делать все, что

захочет.

– Этот человек может доставить неприятности, – заметил Эра Ваджа. – Он шатается без дела и теперь будет думать о том, как бы нам досадить.

– Может быть, – согласился Хагет. – И может быть, он найдет, что бы такого сделать. Класс, присмотрите за ним.

В дверь опять постучали. На этот раз неуверенно.

– Что там еще?

Хагет опять показал рукой, что нужно спрятаться.

Джо обнаружила в коридоре вздрагивающего Тиммербаха.

– Мне нужно поговорить с командером.

Она посторонилась. Тиммербах прошел мимо нее, как человек, направляющийся на собственную казнь. Хагет появился из своей каюты.

– В чем дело?

– Проблемы с Паутиной. Мы можем перебраться на другую нить уже в следующей якорной точке. Эта нить начала ослабевать и туманиться. И еще распушаться.

– Сущее?

– Пока никаких признаков. Но мы идем с распушением.

– Вы замедлили скорость?

– Еле ползем.

– Хорошо. Не думаю, что могу здесь чем-то помочь.

– Никто не мог бы. Я просто хочу, чтобы вы знали: мы можем выбиться из графика, – сказал Тиммербах и убежал.

– В Паутине пропадают десятки кораблей за год, – заметил Хагет.

«Но только не сторожевики, – подумала Джо. – Что бы это ни было, оно не рискнет шутить с непобедимыми».

Валерена уловила движение в коридоре.

– Он все-таки решил прийти.

– Это бессмысленно, – сказал Блаженный. – Ты не сможешь подкупить Лупо. Не сможешь даже заставить дедушку поверить, что ты его подкупила. Лупо – единственный, кому он доверяет. И не без причины.

– Откуда тебе знать? Ты еще ребенок.

– Ты же понимаешь, что не доберешься до Саймона Трегессера, пока на пути стоит Лупо Провик. Лупо нельзя купить. Раз он не продается, ты должна его убить. Но он тебе не позволит.

Валерена фыркнула. Она верила, что у любого человека есть слабости и есть цена.

– Что же ты посоветуешь, мое возлюбленное чадо?

– Терпение.

– Терпение? Что это за совет?

– Саймон Трегессер очень стар. У него неважное здоровье. Пусть время само сделает всю грязную работу.

– Его речи мудрее, чем я ожидал. – Лупо Провик сверлил Валерену своим ледяным дьявольским взглядом. – Вы хотели меня видеть?

Валерена вздрогнула. Этот взгляд давно преследовал ее. Казалось, она уже сталкивалась с ним раньше.

– Какова твоя цена, Лупо?

– Я бесценен, Валерена.

Блаженный захихикал. Валерена сдержала гнев.

– И нет никакой надежды, что ты поможешь мне захватить власть?

– Никакой.

– И ты помешаешь мне, если я попытаюсь?

– Разумеется. Но тебе не нужно этого делать. Твой отец не бессмертен.

– Что ты будешь делать, когда он умрет?

– Продолжать работу. Во вторую очередь я предан Дому.

– Это останется правдой, если мой отец умрет не естественным путем?

– Если человек умер, значит он умер. Я буду защищать его самого, а не его призрак. Я не мститель, я стратег и тактик.

Его губы растянулись в чем-то похожем на улыбку.

– Понимаю. Может быть, ты и прав. Может быть, я должна обуздать свое нетерпение. У меня и так уже есть все, кроме окончательной власти, верно?

– В самом деле, твой отец потакает любым твоим прихотям. И порой жалеет об этом.

– А меня ты будешь поддерживать так же искренне, Лупо? – спросил Блаженный.

Валерена бросила на него ядовитый взгляд.

– Разумеется.

– На этом все, Лупо, – отрезала Валерена. – Я просто хо-

тела еще раз убедиться в том, что и так знала.

Провик ответил легким поклоном и повторил:

– Будь терпеливой, Валерена. Это самый надежный путь.

Когда он ушел, Валерена обернулась к Блаженному:

– Держи впредь свой сарказм при себе.

– Хорошо, мама. И что дальше? Не могу представить, чтобы ты приняла совет просто потому, что он хороший.

Валерена обожгла его взглядом.

– Вопреки общей – и твоей тоже – уверенности, есть тропинки, ведущие к моему отцу в обход Лупо Провика.

Блаженный усмехнулся, глядя ей вслед, когда она удалилась с гордо выпрямленной спиной.

Первые беженцы добрались до развалин вскоре после начала восстания. Иммуны приняли их, хотя это и означало дополнительный расход припасов. Однако после возвращения в бункер, вызванного яростной вспышкой в небе, Тортил объявил:

– Больше никаких беженцев.

– Почему? – спросила Леди Полночь, готовая пожалеть даже гадюку.

– Потому что иначе нас захлестнет толпа. И среди них могут оказаться люди из Содружества. Нам ни к чему, чтобы они были здесь, когда появятся солдаты со сторожевика. Нас могут заподозрить в соучастии. Солдаты откроют огонь при малейшем сомнении. Мы забрались сюда для того, чтобы выжить.

Полночь не хотела кого-то прогонять.

– Это те самые люди, которые так пугали тебя! Янтарная Душа, пойдем со мной.

Когда появились беглецы, Янтарная Душа прогнала их. Но еще до их прихода небо разверзлось, и на Мерод-Шен дождем посыпались искры.

Не считая луны, ярче всего в ночном небе светилась станция, висевшая на стационарной орбите над экватором к югу от Мерод-Шена. Но теперь там появился еще более яркий

объект.

– Сторожевой корабль, – сказал Тортил.

«Должно быть, он огромный».

– Больше, чем любое творение человека, какое ты можешь себе представить.

Навстречу дождю искр потянулось несколько огненных волосков. Бездна мало. Большая часть гарнизонного арсенала погибла при обрушении города.

– Ты чувствуешь город? – спросил Тортил.

«Только как огромный гнойник, полный страха и боли».

Горизонт раскрасили взрывы, осветив подбрюшья разбросанных по небу крохотных облачков.

– Последний вздох Содружества, – предсказал Тортил. – Мина-ловушка, несомненно, сработала преждевременно. Эта раса никогда ничему не научится.

«Сторожевики учатся. Разве нет?»

– Сторожевики бессмертны. Им не нужно повторять уроки заново с каждым следующим поколением.

«Но они все ближе подходят к безумию».

– Некоторые становятся странными, – согласился Тортил. – Другие – нетерпимыми и ужасными, словно злопамятные и мстительные старые боги. Но в большинстве своем они просто делают то, ради чего их создали... с эффективностью, которая держит в страхе тени своих создателей. Эти старые пираты даже не задумываются о том, что и сами должны придерживаться правил.

– Ты много о них знаешь, да?

Это подошла Полночь. Одинокий Майк придерживал ее под порывами ветра.

– Узнать о них побольше – дело всей моей жизни.

– Ты уважаешь их. Но покончил бы с ними, если бы мог. Так ведь?

– Они четыре тысячи лет поддерживали мир и расширяли Рубежи, но делали это в ущерб человечеству и всем остальным. Источники силы замерзли. Да, кое с чем я бы покончил. Но я не стал бы менять положение, при котором Дома или кто-нибудь еще не имеют возможности бесчинствовать в Паутине.

– Я мог бы придумать способ поиграть в завоевателей, не сталкиваясь нос к носу со Сторожевым флотом, – проворчал Одинокий Майк.

– Если бы ты мог, то смог бы и кто-то еще, и сделал бы. Все уже обдумано и испробовано. То, что сработало бы без риска уничтожения Сторожевым флотом или войсками Канона, слишком сложно и дорого для большинства из Домов.

– И ты покончил бы с мирной жизнью, – укорила его Полночь.

– Нет. Я покончил бы со страданиями, жестокостью и загниванием.

– Принеся в мир хаос?

Янтарная Душа сделала их на время невидимыми. Они сидели под рожим солнцем и смотрели, как катера-разведчики

гоняют дичь по пустырям, как сверкающие десантные катера спешат захватить остальную часть мира.

– Содружество почти не сопротивляется.

– Один полк, чтобы завоевать целый мир, – пробормотал Тортил. – Интересно, какой это сторожевой корабль. Думаю, мы скоро это узнаем.

* * *

Солдаты оказались так же невидимы для Тортила, как и он для них. Его предупредила Янтарная Душа:

«Они близко. Но я не могу их засечь».

Тортил осмотрел поля со стороны города и вскоре различил, как неестественно шевелятся кусты и клубится пыль, отмечая их приближение.

– Осторожные мерзавцы, – буркнул Одинокий Майк.

– Не очень разумно рисковать без необходимости. Янтарная Душа, передай всем, чтобы сидели тихо, сложив руки на коленях. А нам пора сбросить маски.

Он надеялся, что солдаты не придут, но не ожидал остаться незамеченным.

В нескольких метрах от него материализовался боевой скафандр. Тортил заглянул в дуло оружия, а затем посмотрел на эмблему солдатского ангела-хранителя.

– Что тут смешного? – насел на него Одинокий Майк.

– Они с «VII Гемини».

– Это хорошо? – спросила Полночь.

– Могло быть куда хуже. С тобой все будет в порядке. Они справедливые.

Но сердце его упало от опасений за себя самого.

– Станция занята, – доложили военконсулу по радио.

Страт перебрался в боевой центр – сердце и мозг корабля во время сражения. На самом деле не было никакой разницы, где ты находишься, но присутствие здесь имело большое символическое значение.

– Лояльный персонал освобожден. Оборудованию нанесен незначительный ущерб.

– Банки данных?

– В целости и сохранности, сэр.

– Очень хорошо. Пленные?

– Пять процентов, согласно УПД. Случайная выборка.

– Очень хорошо, – одобрил чрезвычайно довольный консул. – Подготовьте станцию к восстановлению работы. Пленных перешлите сюда. Статус потерь?

– Ноль – по раненым и больным. Мятежники не собирались сражаться всерьез.

– Превосходно.

Страт переключил все внимание на мир внизу, где операция проходила так же гладко. Чернь никогда не вступает в бой с профессионалами.

Здесь все само собой устроится. А ему нужен отдых. Он направился в свободный угол и приказал:

– Ключ: оборудование боевого центра. Отгородить спаль-

ню для военконсула.

Внезапно возникла воображаемая стена.

– Подготовить мне постель.

Пол дрогнул, сделался мягким и приподнялся. Ханавер Страт растянулся на возвышении, после чего заснул в считанные секунды.

* * *

Страта разбудило негромкое жужжание.

– Да?

– Дневной рапорт «Миротворца-один», военконсул.

– Очень хорошо.

Поднявшись, он расправил мундир, провел тонкими, костлявыми пальцами по волосам. Два часа сна здесь стоили шести в обычной постели. «Гемина» восстановила спящее тело, ослабила напряжение, разогнала токсины.

Дневные рапорты. В Мерод-Шене день наступил всего на несколько часов раньше, чем на «VII Гемине». Там, внизу, должен быть ранний вечер, с момента высадки первого отряда прошло двенадцать часов.

Поджидавший Страта адъютант шел рядом с ним.

– Плохие новости есть?

– Нет, сэр. «Миротворец-один» опережает график с ничтожными потерями. Повстанцы не смогли завладеть значительной частью гарнизонного арсенала. Мерод-Шен занят

на девяносто процентов. Р-Р-команда начала просеивать выживших. «Миротворец-один» затребовал госпиталь и восстановительную группу. Он направил основные силы в пригороды, на шахты и сельскохозяйственные комплексы, захваченные повстанцами. Скорость обнаружения этих объектов, очевидно, ограничена скоростью десантных катеров в атмосфере при давлении шестьсот тридцать миллибар.

Консул усмехнулся, оценив шутку, и сел за командный пульт.

– Показать дневные рапорты, – приказал он.

Операция больше походила на учения. Большинство потерь были вызваны несчастными случаями, а не действиями противника. Он изучал данные Р-Р-команды, когда вдруг наткнулся на нечто интересное.

– Богоравные? Есть вопрос.

– Слушаем. – На маленьком экране появился его коллега-диктатор Ансель Ронинос.

– Кто такие иммуны?

– Иммун – почетный титул для низших слоев, обычно обозначающий неформального лидера. Иммун не занимает какой-либо официальной должности, но его слово имеет силу закона. Большинство из них слишком сильны, слишком упрямы или слишком безумны, чтобы кто-то дерзнул бросить им вызов. Иногда иммунум провозглашают за мудрость или артистические таланты. Иммунитет означает всеобщее согласие на то, что данная личность защищена от опасностей

беззакония.

– Очевидно, иммуны Мерод-Шена не поддерживали восстание.

– Да.

– Они пытались предупредить о приближении взрыва.

– Да.

– И Богоравные заинтересованы в этих иммунах.

– Особенно в одном из них. Вероятно.

Военконсул подождал объяснений, но не дождался. Временами с Богоравными такое случалось.

Он отправил запрошенные госпиталь и группу восстановления, затем пересмотрел сведения со станции. Внимательно изучил семь виз, выданных ранее крекелену. О двух на «Славном утраченном» не было известно, тварь о них не упоминала. Эти дополнения дали Страту четкую картину дальнейшего маршрута «VII Гемины».

Он надеялся, что «VII Гемине» не придется зачищать каждый мир на этом пути.

– Ключ: «Миротворец-один».

Командир десанта откликнулся через секунду:

– Да, военконсул.

– У вас там есть кто-нибудь из тех, кого местные называют иммунами?

– Да, сэр.

– Ими интересуются Богоравные. Перешлите их сюда.

– Будет исполнено, военконсул.

Ханавер Страт откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, пытаясь представить, что задумали эти электронные призраки.

* * *

Граница ночи достигла Мерод-Шена еще до прибытия задержанных.

– Богоравные, где вы хотели бы их допросить?

– В Зале решений.

Страт, изумившись, внимательно посмотрел на говорившую. Она была ему незнакома. Мундир подсказывал, что это одна из старейших Богоравных. Из первого тысячелетия.

* * *

Страт оказался в Зале решений раньше задержанных. Старейшие Богоравные казались крайне заинтересованными. Он заметил нескольких, кто не присутствовал на представлении с крекеленом и командером Хагетом. Многие утратили интерес к внешней реальности за столетия, проведенные у «Гемины» за пазухой.

Что заставило их объявиться теперь?

Испуганный младший офицер, доставивший пленных, доложил Страту – как единственному живому из всех, кто при-

существовал в зале.

– Что с ней? – спросил военконсул, указывая на женщину, явно впавшую в ступор.

– Не знаю, сэр. Примерно в семидесяти километрах отсюда она начала кричать, а затем...

– Понятно.

– Остальные не знают, что произошло.

– Мм?

Страт приказал установить звуковой экран и уселся на свой трон диктатора. Потом присмотрелся к задержанным. Все они, кроме одного, выглядели ошеломленными.

– Богоравные, вы хотели опросить этих... людей?

Непросто было назвать их этим словом.

– Ослабьте защиту, – предложил Ансель Ронинос.

Страт подтвердил приказ. Система могла напрямую ответить Рониносу, но Богоравным нравилось докучать живым за то, что те ввели жесткие правила, запрещавшие издавать указы и принимать решения без их согласия.

«VII Гемина» пыталась избежать тех проблем, что возникли на других сторожевых кораблях. «XII Фульмината», не приструнив своих Богоравных, стала холодной и жуткой, безжалостной, беспощадной и почти самоубийственно страшной. «IV Траяна» была самым призрачным из всех сторожевиков, чьи Богоравные полностью подчинили себе экипаж. Затем она поднялась по Паутине, и с тех пор о ней слышали лишь однажды и недолго, только во время энхерренра-

атского инцидента.

Некоторые полагают, что «IV Траяна» охотится за Су-щим, обитающим в Паутине и, вероятно, виновным в исчезновении множества кораблей. Может, и так. Много веков назад «VI Адьютрикс» отправился на поиски конца Паутины, простирающейся далеко за пределы пространства Канона.

– Давайте выясним их имена и происхождение, – сказал Ронинос.

Молодой офицер пробежался по списку. За одним исключением, все они оказались негуманоидами либо артефактами. Как могли негуманоиды попасть на В. Ротику-4? Снова неприятности с путешественниками-фантомами?

Несколько Богоравных из первого тысячелетия спустились к задержанным и окружили одного из них, но тот вовсе не выглядел смущенным. Древние призраки уставились на него.

Консул проверил его номер.

– Ключ: «Гемина». Показать досье на задержанного номер пять.

– Имя: Тортил, – услышал он шепот прямо в ухе. – Происхождение: негуманоид неизвестной расы – вероятно, ку. Возможно, артефакт. Больше никаких доступных данных.

– Занятно, – вслух подумал Страт, наблюдая за древними Богоравными.

Почему «Гемина» умолчала о том, что так беспокоило их?

Саймон Трегессер изображал из себя властелина грозы, чтобы отвлечься. Но это не помогало. Уже две недели тварь из резервуара не приносила никакой пользы. Половину времени она пребывала в беспамятстве, а другую могла с тем же успехом проводить там же. Она не говорила ничего осмысленного.

Когда такая тварь напугана до беспамятства...

Он не хотел даже думать об этом. Но как только выбросил из головы дурные мысли, в помещение проскользнул Ноа.

Ноа отсутствовал очень долго. Должно быть, случилось что-то важное. Эта стерва Валерена. Когда он снова соберется ее убить, то убьет окончательно. Лупо говорил, что Блаженный подает надежды.

Саймон с новой яростью принялся метать громы и молнии. Вся эта проклятая Вселенная пыталась помешать ему. «XII Фульмината»! Какого черта? Неужели против него ополчилась какая-то злокозненная сила?

Это был самый тайный его страх. Что, если кто-то или что-то использует его, как сам он использовал многих других?

Загорелась крохотная лампочка. Саймону очень не хотелось отвечать. Но никто не стал бы донимать его по пустякам. Вообще не рискнул бы побеспокоить. Разве что Лупо или Ноа, но ни один из них не любил тратить время даром.

– Кто там еще? Что тебе надо?

– Ноа, лорд.

– Где тебя черти носили? Спускайся.

Он швырнул молнию, словно копье, в пролетавшего по огромной пустой пещере Ноа и промахнулся лишь самую малость. Его смех эхом отскакивал от стен.

Ноа невозмутимо спланировал на свой насест.

Разочарованный Трегессер дал остыть своему гневу. Чертова машина иллюзий была бесполезной игрушкой. За исключением Лупо и Ноа, никто не видел его работы. Но их обоим не впечатлит даже черная дыра таких размеров, что могла бы проглотить целую галактику.

– Ну хорошо, Ноа. Что там у тебя?

Эхо гонялось в пустоте само за собой.

– Перед отъездом Валерена пыталась прощупать Лупо Провика.

– Опять? У этой женщины никакого воображения.

– Я не уверен в ее глупости. И мальчишка далеко не болван. Он знал, что ничего не получится, и понимал почему.

– Где ты пропадал?

– На Трегессер-Приме. В действиях Валерены есть какой-то скрытый смысл, очень меня заинтриговавший. Она заслуживает внимательного изучения.

Трегессер-Прима. В каталоге Канона она обозначалась «П. Бенетоника-3», но Трегессеры не признавали это название, как и многое другое, исходящее от Канона, если была

такая возможность.

– И что?

– Как я уже говорил, Валерена может быть опасна.

– Ближе к делу, Ноа.

– Она готовит себе несколько Других. В ее замке разместилась целая команда из Дома Банат-Маратов. И охрана там строже, чем обычно.

– Интересно. А зачем ей целая команда Других? Почему ими занимается не Лупо?

– Я также уловил намек на то, что она, возможно, завладела управляющими сигналами Другого Саймона Трегессера.

Трегессера словно пронзила одна из его собственных молний. Голосовой протез потрескивал с полминуты, прежде чем ему удалось выдать:

– Правда?

– Как ей это удалось – от меня ускользнуло, лорд. Это кажется маловероятным. Но мои поиски – никто ведь не обращает внимания на артефакта – убедили меня: что-то происходит. Я составил сценарий. Он не противоречит ни одному из известных нам фактов и связывает в единую картину действия нескольких личностей.

Саймон зарычал. Манеры Ноа порой раздражали, но ни угрозы, ни награды не могли изменить его.

– Выкладывай, Ноа. Не думаю, что ты сможешь потрясти меня еще сильнее.

– Предположим, что одна из прежних Валерен завербова-

ла одного из директоров. Правдоподобно?

– Вполне. Все они вампиры и готовы в любое мгновение впиться мне в глотку.

– Предположим, та Валерена совершила ошибку и вы распорядились о замене. Нашему предполагаемому директору не обязательно знать о лаборатории Провика, чтобы сообразить, что он имел дело не с этой Валереной. Она бы не знала того, что должна знать.

– Все еще правдоподобно. Этот директор мог бы сказать ей, что она копия. Что она – Другая. Черт возьми, она должна испугаться, что мы ее контролируем. Мы этого не можем, правильно?

– Не можем. Вы решили, что в долгосрочной перспективе это принесет меньше зла, поскольку речь идет о благополучии Дома. Вы приказали Провику производить копии без возможности контроля. Если бы он заложил такую возможность, кто-нибудь мог бы об этом узнать.

– Значит, есть вероятность, что мы имеем дело все с той же Валереной, хотя мы и считали, что произошло несколько замен, пока Банат-Мараты изготавливали для нее Других, которыми она могла пожертвовать.

– Совершенно верно, лорд.

– Все сходится, Ноа. Но что она делала с этими заменами?

– Я бы не стал строить догадки.

– Не стал бы? Возможно, и мне не стоит. Возможно, я не хочу об этом знать. – Трегессер задумался на мгновение. –

Не подумай, что это сильно расстраивает меня, Ноа. Скорее, говорит о том, что дочь не настолько глупа, как я опасался. Но мы ни на шаг не приблизились к решению главной загадки.

– Что за загадка, лорд?

– Какой смысл в том, что она делает? Какие у нее мотивы?

Я цепляюсь за жизнь сломанными ногтями.

– Если бы вы связались с Домом Трокваев...

– На это я не пойду. Они шакалы.

Неправда. Ему не хотелось умирать. Он был бы только рад, если бы над ним навис целый взвод троквайских фантомов. Но только не здесь.

– Немного терпения – и все само упадет на ее колени. Так зачем рисковать снова и снова, пытаясь ускорить дело? Это неразумно.

– Все очень просто. – Ноа, глядя со стороны, лучше видел ситуацию. – Она ненавидит вас. И у нее есть только один способ выразить эту ненависть. Отобрать все, что у вас есть: жизнь, собственность и власть.

Трегессера словно опять поразило собственной молнией.

– Но она же моя дочь!

– Разве чувства играли какую-то роль, когда вы устранили вашего отца? Разве это не происходило исключительно в интересах Дома?

– Разумеется! – огрызнулся ложью Трегессер. – Я знаю, в чем дело. Она хочет украсть мою победу. Хочет, чтобы ее

вспоминали как сокрушительницу сторожевика.

– Вы в самом деле так считаете, лорд?

– Я это знаю, Ноа. Ступай прочь!

– Как пожелаете. Но почему она хочет отобрать и это тоже?

В воздухе вокруг Ноа взвихрились молнии. Он увернулся, скользнул вбок и даже сделал петлю. Эти молнии были брошены уже не в шутку.

Валерена лежала на кушетке в открытом павильоне на вершине небольшой горы на острове Исэ в тропиках Трегессер-Примы. Это сооружение представляло собой точную копию другого, построенного еще до Канона, если верить мемориальной доске. Валерену это мало интересовало. Для нее история начиналась с зачатия Валерены Трегессер.

В любом случае никому уже не было дела до войн против Го. Их давно забыли бы, если бы сторожевые корабли все еще не кружили где-то поблизости.

Блаженный устроился на брезентовом стуле.

– Артефакт уже должен добраться до твоего отца.

Он поднес трубку к глазу и повернул одну из ее частей.

– Ты можешь не играть с этой штукой все время?

Он направил трубку на нее и пробежал пальцами по теплочувствительной поверхности. Внутри появился символ. Это была Истинная Валерена.

– Говорят, что узор никогда не повторяется дважды. Я проверяю.

– И ты нашел повторение?

– Нет еще. Но с точки зрения математики должен найти.

Он начал этот проект год назад и с тех пор распознал девять Валерен Трегессер.

– Отложи ее. Ты просто стараешься разозлить меня.

– Твой отец сделает так, как ты хочешь?

– Разумеется. Сначала он будет бушевать. Потом задумается. Потом снова разъярится. И в конце концов позовет Лупо Провика.

– Ты меня удивила, мама. Я бы и за тысячу лет не поверил, что есть возможность обойти Лупо. Как ты узнала об этом?

Валерена прикрыла рот рукой, пряча усмешку.

– Всякий раз, вызывая меня, он требует себе женщину. И всегда настаивает, чтобы она была моложе и беззащитнее. Просто для того, чтобы показать мне, каким отвратительным он может быть. Но одна из этих женщин выжила. И она рассказала мне, что он просто отдал ее своему артефакту. А у артефакта, в отличие от Лупо, есть желания и потребности, которые отец не может удовлетворить. Он прекрасно провел время на Трегессер-Приме. И получил столько женщин, со сколькими мог справиться.

Блаженный различил маленькое пятнышко, медленно плывущее над бордовым морем. Он вертел в руках свой калейдоскоп, пока мать не заворчала на него, а потом отложил игрушку.

– А ты уверена, что Лупо сделает все так, как ты хочешь?

– Он попытается опередить меня. Поставить ловушку. В этом весь Лупо.

На браслете Валерены вспыхнул драгоценный камень.

– Кто там? – спросила она.

Блаженный не расслышал ответа. Но он понял, что озна-

чала эта вспышка.

– Тебе придется поиграть немного на пляже, мой любимый сын. У меня гости.

– Твои друзья из директората?

Валерена не ответила, а просто сделала указывающий жест.

Блаженный сдерживал дыхание до тех пор, пока не скрылся из вида.

* * *

Экран был маленьким, а изображение плоским, но Блаженный и его друзья Кейбл, Нио и Тина хорошо видели посетителей. Один из них не стал неожиданным. Миф Воргемут был старым интриганом еще во времена деда самого Саймона Трегессера. А вот Линасу Масерангу под управлением Саймона жилось припеваючи. Что он надеялся получить за это?

Вероятно, Валерену. Глупец.

Мать отказалась от роли распутницы, которую играла для него.

– Садитесь, – сказала она. – Устраивайтесь поудобнее.

– Ваше сообщение прозвучало зловеще, – отозвался Воргемут.

– Я нашла способ, как выманить Саймона из крепости, подальше от Провика.

Она рассказала гостям слегка отредактированную историю, в которой содержалось примерно восемьдесят процентов правды.

– Отлично, – прошептал Блаженный и хлопнул по ладоням своих приятелей.

– Блаж-ж! – прошипел Кейбл Шайк.

Воргемут заметил калейдоскоп.

– Что это?

Изображение сместилось.

– Калейдоскоп. Моего сына. Забыл здесь, когда я прогнала его.

Тина едва не прыснула со смеху.

Огромный прищуренный глаз уставился на Блаженного.

– Я не видел таких с той поры, когда сам был ребенком.

Звук оборвался. Когда Воргемут положил игрушку на место, она показывала фрески на потолке павильона.

Но Блаженный остался доволен. Теперь он знал друзей матери из директората.

– Интересно, как на самом деле поступит Лупо? – задумчиво проговорил он.

Лупо стоял рядом с закрытым креслом Саймона и смотрел вдаль.

– Наши действия кажутся очевидными. Какие варианты ты обдумывал?

– Большую часть времени я пребывал в панике. Я не справился с давлением, хотя предполагал, что смогу.

– Но ты сразу пришел ко мне. Вот что важно.

Провик не спрашивал, где Трегессер раздобыл эту информацию. Не хотел спрашивать. Но догадывался.

У Трегессера имелось меньше секретов, чем предполагал он сам. Лупо становилось известно обо всем, что происходит вокруг его хозяина. Знал он и про артефакта, и про внешника. Знал, что артефакт куда-то исчез.

– Возможно ли, чтобы эти коды попали к Валерене?

– Не представляю, как она могла это сделать. Но невозможное случалось и раньше, не правда ли?

– Да.

Лупо Провик на время передал Дом Банат-Маратов в руки Трегессера, после того как случайно узнал, что Сандор Банат-Марат в ускоренном темпе вырастил себе двойника, которого всюду выставлял вместо себя. Единственное различие между Сандором и его Другим заключалось в кодах управления, которые были встроены в Другого еще в инку-

баторе. Такие коды есть у большинства артефактов.

Провик потратил годы на высокочеловеческую шпионскую работу. Он раскрыл коды Другого. Вскоре после этого Истинный Сандор пропал.

Девять лет спустя убийца добрался до Сандора-Другого, и его место занял Фодор Банат-Марат. Провик утратил контроль над Домом, но не потерял ни одного из украденных секретов. Теперь Дом Трегессеров создавал своих артефактов. Но никто даже не подозревал об этом. Артефакты всегда были монополией Барат-Маратов.

– Так ты думаешь, я попал в западню, Лупо?

Значит, старик еще не сдался окончательно.

– Такая возможность всегда существует. Для надежности нам придется подождать и посмотреть, не станет ли твой Другой странно себя вести.

– Что-то я не совсем тебя понимаю.

– Предположим, что коды Саймона-Другого не были раскрыты, поскольку даже меня здесь не было, когда ты его программировал. Если твой Другой поведет себя странно, можно будет считать новости о кодах дезинформацией.

– Что? Твоя логика ускользает от меня.

– Подумай о Валерене. Если она действительно завладела кодами, ты бы никогда не узнал об этом. Верно?

– Именно так поступили бы мы с тобой.

– Да. Это стоит запомнить. Но мы имеем дело с людьми, которые думают не так, как мы. Валерена способна быть ге-

ниальной, коварной, слепой и глупой в одно и то же время. Вот почему она так чертовски опасна.

– Так что ты предлагаешь?

– Исходить из худшего. Сделать то, что хотят от тебя твои враги, только как можно быстрее. Поменяйся местами со своим Другим.

– Но...

– Немедленно. Так быстро, как только сможешь. Раньше, чем они насторожатся. Они ожидают, что ты будешь действовать с обычной неторопливостью.

– Значит, я буду играть роль Другого. Когда придет время, я снова сменю его, а они получат себе настоящего Другого.

– Если нам понадобится двойная замена.

– Мне это нравится, Лупо.

– Никто не должен знать. То есть никто, кроме тебя и меня. Не доверяй никому.

Саймон Трегессер хмыкнул:

– Здесь никто не прячется в темноте.

– Мой опыт говорит, что в темноте всегда кто-нибудь прячется.

– Подготовь странник.

* * *

Лупо смотрел вслед Саймону, пока тот не скрылся из вида, затем, уступив место начальнику штаба, направился к

просторному жилищу, которое сам обустроил. Произнес кодовое слово. Дверь открылась. Это был единственный вход, и Лупо был единственным человеком, который мог войти в дверь.

– Первый! – крикнул Лупо. – Нам нужно кое-что сделать. Собери всех.

Через мгновение его обступили еще шесть Провиков. Никто, даже Саймон Трегессер, не знал, что Лупо существует не в единственном числе. Он сам работал в инкубаторе. Изменив четных Лупо, он превратил их в женщин.

– Пора обновить данные, – сказал Истинный Лупо.

Чаще всего на людях появлялся он сам, но Лупо Первый, Лупо Третий и Лупо Пятый поддерживали его репутацию неутомимого трудоголика.

Страшный, загадочный серый кардинал процветающего Дома Трегессеров был в какой-то степени роевым существом.

Общение стало наполовину телепатическим, но все-таки требовался внешний стимул. Обновление данных заняло не больше мгновения, поскольку с последнего сеанса миновало совсем немного времени. Лупо требовал, чтобы это происходило два раза в день, особенно теперь, когда началась игра со сторожевиком.

Покончив с обновлением, он приказал:

– Вторая, Третий и Четвертая, поедете со мной в страннике. Первый, проследи, чтобы здесь все было в порядке. И

приглядывайте за артефактом Ноа.

* * *

А внизу Саймон выходил от своего союзника из Внешнего космоса, в очередной раз не добившись от него никакого толка.

Тварь продолжала бормотать о каком-то Разрушителе, плюясь паром из-за того, что этот Разрушитель потерпел неудачу. Чужак вел себя так, словно лишь десять процентов его сознания находилось здесь, а остальная часть была захвачена какой-то далекой бездной.

Странная тварь. Но без нее не было бы ни кораблей, ни орудий, ни щитов, ни западни, ни богатств, перекаченных в Дом Трегессеров. Ради всего этого можно было вытерпеть кое-какие странности.

Тортил почувствовал, как опустился звуковой экран. Он оглянулся на Янтарную Душу. Сколько еще она сможет поддерживать ментальный блок, необходимый, чтобы укрыться от «VII Гемины»? Тортил опасался, что недостаточно долго. Даже он ощущал прощупывающие уколы мощного, медленного, гулко пульса той полусонной сущности, которая и была «Геминей» под керамикой, пластиком и металлом «VII Гемины».

Это представляло собой сумму всего того, что создали строители Звездной базы, что постиг сторожевой корабль и вложило обожествление. Именно эта сущность делала сторожевики такими устрашающими. Именно она, едва ощущаемая, заставляла весь Канон дрожать от страха и преувеличивать ужасающую мощь Сторожевого флота.

Но Тортил знал, что сторожевые корабли не были непобедимыми. Все-таки нет.

Он заметил какое-то движение среди сотен сидевших, которые молча смотрели на иммунов, и забыл о Янтарной Душе.

Вот, значит, как.

Он не узнал никого в лицо, только фасон мундиров.

Но и этого оказалось достаточно.

В зал вошли люди, осведомленные, что он знал об уязви-

мости сторожевиков.

Они окружили его и долгое время просто стояли и смотрели.

Он тоже долгое время просто смотрел на них. Являлись ли они живыми людьми, такими же древними, как он сам? Или это мертвецы «VII Геминь», каким-то образом возвращенные к жизни?

«Они великие некроманты, эти люди, – предупреждал его старик Коут еще до того, как он надел к’тибу и принял меч чести. – Они творят колдовство, недоступное нашему пониманию».

«Самый могучий колдун может пасть под ударом меча», – отвечал он.

Коут задумчиво щелкал языком.

«Стань колдуном, дитя воина. Стань величайшим колдуном среди ку. Потому что у их колдунов самые могучие мечи».

Проще говоря, научись думать, как враг, а затем перехитри врага – вместо того чтобы пытаться пересилить, перебороть его.

Он так и сделал.

– Приветствую, Кез Маэфеле.

Тортил повернулся. Теперь он узнал эту женщину. Она была военконсулом «VII Геминь» во времена подписания капитуляции. Когда он и его Зловещий Радиант отказались выполнить законный приказ сдать оружие и сбежали в пу-

стынные пространства Паутины, чтобы продолжать борьбу.

Это она или такие же, как она, преследовали штурмовики Зловещего Радианта, пока не осталось ни одного корабля, кроме его «Тонкой гармонии», обессиленной, потрепанной, хромающей на все ноги. Пока он не отдал приказ, за который сам себя презирал.

Он щелкнул каблуками и отдал легкий поклон, согласно обычаям своих победителей.

– Приветствую, военконсул. Вам потребовалось три тысячи лет.

– Чуть меньше, но это не важно. Что такое несколько веков, когда смотришь на них отсюда?

Тортил уже понял, что существо, находящееся рядом, состояло не из плоти.

«Они великие некроманты».

– Ну и какого черта ты делал все это время, Кез Маэфеле?

– Пытался выжить во враждебной Вселенной.

– Тебе везло без всякой меры.

– Возможно, дело было не в везении. До сих пор.

– Теперь везение кончилось. Вопрос с ку решился сам собой. Их символу нанесут последний удар.

– Твоя злопамятность превышает все разумные пределы, военконсул. Я, потерпевший поражение, не могу вспомнить твоего имени, но ты взрастила в себе настолько древнюю и сильную ненависть, что жаждешь убийства даже спустя тридцать веков.

– Не убийства, а исполнения отсроченного...

Слова женщины заглушил другой голос:

– Убийства не будет, как бы вы его ни называли.

Женщина в гневе обернулась, но при этом выдала свое бесплотное состояние. Она не смотрела на оппонента.

Зато Тортил смотрел, обшаривая древние воспоминания и пытаясь определить, что за человек перед ним. Диктатор. Но он носил нашивки военконсула и все еще оставался среди живых. Такая комбинация делала его самым могущественным существом на корабле. И более опасным, чем призрак, чьи побуждения видны как на ладони.

Женщина и ее спутники, сосредоточившие все внимание на внутренних проблемах, сделались полупрозрачными. Но женщина, очевидно, была готова спорить дальше.

– Он ценный источник информации, – заявил живой военконсул и слез со своего трона. – Я не собираюсь жертвовать им ради древней вражды.

По рядам сидевших вдоль стен прокатилось волнение. Тортил понял, что все они были Богоравными. Приближавшийся к нему мужчина оказался единственным живым существом в этом почетном собрании. Неужели и здесь кончилось тем же? Неужели «VII Геминой» управляют мертвецы, а живые подчиняются им в надежде попасть в компанию бессмертных?

Женщина плюнула в живого военконсула, но слюна ее мгновенно исчезла.

Возможности колдовства небезграничны.

«Они просто призраки, – сказал сам себе Тортил. – Но призраки, жаждущие убивать. Эта жажда могла бы изменить вид всей Вселенной».

Янтарная Душа вскрикнула.

Психическая волна ошеломила Тортила. Военконсул замер, приоткрыв рот и выпучив глаза. Кожа его побледнела, а руки затряслись. Но он быстро справился с собой и подошел ближе.

Тортил оглянулся. Полночь склонилась над Янтарной Душой, раскинув крылья. Это хорошо. Значит, ее разум не бездействовал все это время. Остальные последовали ее примеру, пряча Янтарную Душу от посторонних глаз.

Военконсул остановился на расстоянии одного прыжка:

– Так ты Кез Маэфеле из легенды о Зловещем Радианте?

– Был много веков назад, консул. Теперь я Тортил, чужепланетная птица, застрявшая в силках законов Канона.

– Ку живут очень долго.

– Только колдуны и воины, консул. Срок жизни остальных гхифу намного короче.

– Правильно. Ваши генетики хотели, чтобы представители этих каст оставались живы до тех пор, пока кто-нибудь не убьет их.

Слово «каста» не была синонимом гхифу. Но к чему поправлять человека? Не стоило беспокоиться из-за пустяка.

– В этом состояла надежда.

– И ты производишь из породы, объединившей две эти касты?

– Идея расцвела слишком поздно.

– Я изучал вашу тактику в отрытом пространстве. Зловещий Радиант действовал куда эффективнее, чем позволяли его силы.

Тортил пожал плечами:

– В конце концов это оказалось бесполезным.

– И всегда так было. Но они продолжают пытаться.

– Чего вы хотите? Никто из нас не принес вреда «VII Гемине» или Канону.

– Богоравные заинтересовались тобой. Однажды ты их уже одурачил. Теперь мне тоже стало интересно. Ты отказался участвовать в восстании. Ты пытался предупредить власти. Почему?

– Чтобы избежать бессмысленной резни. В Содружестве собрались идиоты. Они не слышали плача своих предшественников-идиотов, который продолжается уже четыре тысячелетия, и потащили за собой бесчисленное число невинных. Но и люди в Высшем городе оказались такими же тупыми, как все их предшественники. Поэтому они погибли. Глупцы из Содружества тоже погибли. А невинные все еще погибают. Ни за что.

Военконсул ответил одним лишь задумчивым взглядом.

Тортил решил еще раз проверить, как себя чувствует Янтарная Душа. Она продолжала излучать что-то, расшатыва-

ющее его нервы. Военконсул ничего не ощущал.

– Что с ней? Ей нужна медицинская помощь?

– Ей нужно оказаться подальше от «VII Гемины». У нее высокая псионическая чувствительность. Чрево сторожевика кишит всевозможными сущностями, у каждой из них высокая электромагнитная активность, у некоторых – незначительная псионическая активность. Она изо всех сил старается сохранить свою индивидуальность.

Тортил понятия не имел, как все обстояло на самом деле. Но звучало это убедительно.

– Однако все-таки потеряет свою личность, если не покинет это место.

Судя по всему, военконсула это ничуть не обеспокоило. Он снова начал задавать вопросы.

– Я сказал достаточно, – отрезал Тортил. – И я вам ничего не должен. То, что вы забрали сюда этих людей, несправедливо и незаконно. Я не хочу содействовать вашему преступлению.

Военконсул рассмеялся:

– Не смейся меня. Я здесь высшая власть. Законно и справедливо то, что я прикажу.

Он продолжил допрос.

Тортил отвернулся.

– Путь страуса, прячущего голову в песок? Это верная дорога к смерти, Кез Маэфеле.

– Смерть приходит сама.

– Ключ: военконсул «Миротворцу-один».

Тортил оглянулся в тот момент, когда зеленоватое мерцание скользнуло по плечу военконсула.

В ответ на слова Страта мерцание зажужжало, словно крылья стрекозы.

– «Миротворец-один», прекратить до дальнейших распоряжений всякую медицинскую помощь пострадавшим.

Насекомое продолжало жужжать.

– Вопрос обсуждается, – добавил военконсул.

Власть проявляла себя в самом грубом виде.

– Ты ведь не сделаешь этого?

– Мне это безразлично. Оказание помощи требует времени, которое лучше потратить на поиск переносчика инфекции бунта.

– Отпусти остальных домой, и я буду сотрудничать с вами.

Мерцание жужжало над военконсулом. Он приподнял бровь.

– Активировать личную защиту. – Мерцание окутало его целиком, он шагнул вперед, расталкивая иммунов, и оторвал Полночь от Янтарной Души. – Это существо остается здесь. И крылатый артефакт тоже. Остальные отправляются назад в Мерод-Шен.

На большее Тортил и не надеялся.

Военконсул приказал отправить иммунов и возобновить помощь населению. Затем уселся в кресло.

– Подойди сюда, Кез Маэфеле. Садись.

Явственно ощущая на себе испытывающие взгляды сотен Богоравных, Тортил сел.

– Что это за существо?

– Янтарная Душа? Понятия не имею. Никто этого не знает. Сомневаюсь, чтобы она сама знала.

– Как она стала иммуном?

– Потому что она чертовски опасна.

– Псионически опасна?

– Да.

– Существо ее расы находилось на борту путешественника, доставившего крекелена на П. Джексонику. Оно называло себя Искателем Потерянных Детей. Тебе это что-нибудь говорит?

– Нет.

Тортил смотрел, как охрана уводит иммунов из зала. Полночь оглянулась на него, растерянная, с печально опущенными, утратившими яркость крыльями. Он принял сожалеющий вид.

Янтарная Душа вскрикнула.

Коммандер Хагет расхаживал по комнате. Его топот действовал Джо на нервы. Ей хотелось сказать ему, чтобы он сел и перестал дергаться.

– Сержант.

– Да, сэр?

– У вас есть идеи, чем заполнить внеслужебное время?

Раньше мне никогда не приходилось ничего не делать.

«Пиши мемуары. Это развлечет тебя на десять минут».

Она пожала плечами:

– В боевом составе на долгие ожидания нас замораживают. Во время короткого ожидания мы спим, тренируемся, играем в разные игры. Еще мы часто трахаемся, сэр.

Она подавила усмешку. Он отреагировал в точности так, как она ожидала. В боевом составе много чего сказали бы о таких офицерах, как он.

– Почему вас выбрали для этого задания?

– Я облажалась. Меня заметили.

– Вы не хотите, чтобы вас замечали?

– Это все равно что вызваться добровольцем.

Где обитал этот чудак? В операционном составе? Бедные короткоживущие! Этот парень слишком молод, чтобы помнить Коула Мармигуса живым.

– Сколько вам лет, сэр?

Вопрос удивил его, словно это было что-то слишком личное. Возможно, так оно и есть. У них в операционном составе все по-другому.

– Тридцать девять.

– Значит, вы хорошо исполняли свою работу. Дослужились до командера.

– Думаю, да. А вам сколько лет?

– Я была выбрана четыре тысячи лет назад. – Она усмехнулась, увидев его реакцию. – Фактически мне двадцать шесть. Но меня убили во время энхерренраатской заварушки. Не знаю, сколько лет мне было до этого и какую часть опыта я потеряла.

Какой забавный вид у него был! Как будто он разговаривал с привидением. Они никогда этого по-настоящему не понимали. Однако при этом без особых затруднений общались с Богоравными, хотя те были всего лишь электронными призраками. Станный народ.

Кто-то постучал в дверь. Хагет спрятался. Джо пошла открывать.

– Капитан Тиммербах. Проходите.

– Мне нужно поговорить с командером.

Хагет вышел из укрытия.

– Да, капитан?

– Не могли бы вы пройти со мной на мостик, сэр?

– Что случилось?

– Сущее, сэр.

Страх капитана был почти осязаем.

– Вы хотите, чтобы я убедился, что это не оправдание задержки, придуманное специально ради меня?

– Думаю, можно сказать и так, сэр.

– Очень хорошо. Сержант, не желаете составить нам компанию?

– Да, сэр.

Джо ощущала скорее возбуждение, чем беспокойство, и сама удивлялась тому, что не испытывает страха.

Ей еще не приходилось бывать в командном центре какого-либо корабля. А что такое Сущее, она понимала только умом. Оно не было чем-то таким, чего боялись сторожевики. Оно избегало встречи с ними.

При этом не имелось и твердых доказательств, что оно беспокоило меньшие корабли. За исключением того, что некоторые суда все-таки пропадали, а на других после встречи с Сущим вся команда оставалась потрясенной до глубины души.

На мостике царила мертвая тишина. Они оказались не единственными посторонними. Ханхл Чолот тоже стоял здесь, трезвый и мрачный. Хагет встретился с ним взглядом и кивнул, принимая его присутствие. Это ведь путешественнику Чолотов сейчас угрожала опасность.

Хагет вместе с Тиммербахом остановились перед экраном высотой в четыре метра и шириной в шесть. Джо подошла к ним. Чолот поступил так же.

Вдалеке, на переделе видимости, извивалась полоска желтого дыма. У Джо возникло ощущение, что сам путешественник движется сквозь такую же бахрому дыма.

– Мы должны подойти ближе, – пробормотал Хагет.

– Мы подошли так близко, как только хватило смелости, и ползем по Паутине медленнее некуда. Но все равно догоняем его. Завихрения и туман усиливаются. Вы что-нибудь чувствуете, сэр?

Джо ощутила беспричинный страх, холодком ползущий по спине. Нечто голодное и смертоносное подбиралось все ближе... Но она не могла понять, что вызывало этот страх. Он не был связан ни с чем вещественным.

– Да. Я так понимаю, ближайший узел еще не скоро?

– Нет, сэр. – Тиммербах указал на далекую звезду. – Это Ж. Дуосконика, точка пересечения восьми нитей. Если мы доберемся до нее, все будет в порядке.

Звезда медленно приближалась.

Джо думала, что звезды можно увидеть из Паутины точно так же, как из звездного космоса. Но ведь это пространство не было пустым?

На периферии экрана появились светящиеся точки.

Что-то впереди скрывало от взгляда все, кроме сияния этой якорной точки.

Страх нарастал.

Туманная полоса становилась еще туманнее.

Что-то было не так. Исправная нить напоминала опто-

волоконный кабель, твердый и светящийся, если смотреть на него издалека. Как и остальные нити, расходившиеся от якорной точки.

– Вы можете выйти из Паутины у Ж. Дуосконики? – спросил Хагет. – Подождать, пока дорога не станет безопасной.

– Эта звезда – желтый карлик. Якорная точка расположена слишком близко к ней. Там чересчур жарко для нас. Мы должны двигаться дальше. И надеяться, что сможем отстать от Сущего.

Страх продолжал нарастать.

Корабль затрясся. Началось все с мелкой дрожи, которую Джо едва ощущала подошвами. Через несколько минут путешествия уже подпрыгивал, как легкий самолет, угодивший в турбулентность.

Тиммербах крикнул:

– Мы не можем больше удерживать его в стороне от осевой линии, сэр! Иначе мы рискуем преждевременно выпасть из Паутины!

Джо поморщилась. Если они выпадут сейчас, то окажутся почти за световой год от слишком жаркой Ж. Дуосконики. Подняться обратно в Паутину, вероятно, не получится. Приборы могут просто не найти затуманенную нить.

Джо достала коммуникатор:

– Полковник Ваджа, это Класс.

– Ваджа слушает, сержант, – донеслось через мгновение. – Что случилось?

– Неполадки с Паутиной. Я сейчас на мостике. Я подумала, что будет интересно взглянуть, чем заняты наши негуманоиды. Вы займетесь этим?

– Сделаю, сержант.

– Хорошая идея, Класс, – кивнул командер Хагет. – Капитан, сколько приблизительно нам осталось до якорной точки?

– Грубо говоря, десять минут. Возможно, нам придется повернуть обратно, если...

– Капитан! – закричал кто-то. – К нам что-то приближается сзади. Очень быстро! О боже! Огромная хре... Сэлди! Что это такое, черт возьми? Оно же раздавит нас!

Тиммербах бегал кругами, сыпля проклятиями и грозя кулаком заднему экрану:

– Обвели нас вокруг пальца! Полный вперед. Это сторожевик! Это чертов сторожевик! И он собирается размазать нас по Паутине!

Путешественник громыхал, вздрагивал и дергался. Пошатнувшись, Джо ухватила за поручень. Якорная точка впереди начала раздуваться. Так же, как и тьма вокруг нее. Нить все сильнее распушалась, скольжение сделалось грубым. Корабль скрипел и стонал. Откуда-то с кормы доносился скрежет раздираемого металла.

На заднем экране появилось огненное яйцо, прогрызающее ткань Паутины, раздуваясь на глазах.

– Этот сукин сын должен видеть нас! – бушевал Тиммер-

бах. – Ему наплевать на то, что мы погибнем! Будь ты проклят, наглый засранец! Селиго, прыгай на нить, отходящую от якорной точки. Скорее!

– Сэр, если я правильно понял...

– Выполняй! Наши шансы – пять к одному.

«Если только они сначала не заметят Сущего, – подумала Джо. – Если не столкнут нас с Паутины по дороге к Ж. Дуосконике...»

Тиммербах продолжал бушевать, требуя увеличить скорость. Сторожевой корабль приближался. Его очертания стали легко различимы.

– Это «IV Траяна»! – выпалила Джо.

Хагет судорожно глотал воздух. В первый раз за все это время он ощутил потрясение.

– Этого не может быть. Никто не видел «IV Траяну» после событий Энхерренраата.

– Еще быстрее! – горячился Тиммербах. – Проклятая Паутина, ты должна быть только прямой! Селиго, рассчитай короткий маршрут до ближайшей уходящей нити – на тот случай, если нас сбросят.

Джо прикинула, что до якорной точки еще две световых недели. Секунды для движения по Паутине. Месяцы полета в звездном космосе.

– Класс? Это Ваджа, – зашептал коммуникатор. – Посланник буйствовал, когда я проходил мимо. Теперь он, похоже, в бессознательном состоянии. А второй ничего не делал.

– Хорошо. Конец связи.

– Мы можем успеть. – Тиммербах развернулся к заднему экрану, полностью заполненному видом «IV Траяны». – Еще одну минуту, ублюдок! Дай нам еще одну минуту!

«Славное утраченное» тряслось так, словно разваливалось на части. Страх сделался густым, как туман. Джо казалось даже, будто она чувствует его запах. Это был запах древней смерти.

Странник «Элмор Трегессер» вырвался из Паутины довольно далеко от оптимума Трегессера-Примы. Лупо Провик подал знак, и Вторая отправилась на корму сообщить новость пассажиру. Лупо кивнул Третьему, чтобы тот готовился послать фальшивый опознавательный сигнал, если понадобится. Необходимо было не попасться на глаза агентам Канона и сторонникам Валерены.

Провик сбросил скорость, приближаясь к П. Бенетонике-3-Ф, обычной станции, обслуживающей внутрисистемные рудовозы. Если не поступит запрос, странник можно будет выдать за один из таких кораблей.

Саймон Трегессер обычно проникал в семейную систему именно этим способом и так же выбирался обратно.

Запрос не поступил. Транспортный контроль здесь оставался неумелым и бессистемным. Саймона Трегессера это устраивало.

Лупо отправил код на станцию. Странник встал на стыковку, не открывая свой трехсекционный трюм. Вокруг были только проверенные люди.

Рисковать не имело смысла.

Когда пришло время вывезти Саймона, никто из команды уже не напоминал Лупо Провика. Они напоминали грубых шахтеров с астероида, возможно родственников. Из той по-

роды людей, что перевезли бы опасный груз, не задавая лишних вопросов. Как раз таких людей Лупо Провик и нанял бы.

Вскоре потрепанный лихтер направился в порт к северу от Трегессер-Гораты. Шестью часами позже он совершил посадку. Еще через час команда лихтера доставила Саймона Трегессера в подвал здания неподалеку от Пилона Трегессеров – шестикилометровой башни, которая поднималась от Нижнего города Трегессер-Гораты через Верхний город, потом через растянутый тор Высшего города и еще на километр вверх. Саймон-Другой ждал в шаре, венчавшем шпиль Пилона.

Лупо стоял у окна, вглядываясь в невероятную высоту башни. Она ему не нравилась. Слишком ненадежная. Слишком напыщенная. Памятник самолюбованию Саймона. Лупо мог бы свалить ее десятками разных способов. Неужели Саймон думает, что не найдется такого безумца, который убьет тысячи, чтобы добраться до одного? Он и сам бы так сделал.

– Это самое опасное место, – сказал он. – Сюда и направится Валерена, если ее источники информации так хороши, как должны быть.

– Не настолько хороши, – ответила Вторая. – У нее нет того, что для этого нужно. Она слишком ленива.

– Да, ленива. Ненавижу Трегессер-Горату.

– Это потому, что ты не можешь ею управлять.

– Да.

Трегессер-Гората впечатляла своими размерами. Ни Выс-

ший, ни Верхний город не могли вместить всех жителей соответствующего статуса. После того как сердце Нижнего города расчистили под основание башни, Верхний город стек вниз и занял окрестную территорию. Теперь социальная лестница спускалась от Пилона к Черному Кольцу, затем снова поднималась. В тридцати километрах от центра раскинулись по холмам дворцы нового привилегированного класса, ступенькой выше плебеев, заполнивших Верхний город Трегессер-Гораты.

Самая большая, сказочная крепость, ненадежно угнездившаяся над обрывом, с которого открывался вид на природный абсурд ущелья Фуэрогоменга, принадлежала Валерене Трегессер.

Отдел безопасности Лупо занимал десять нижних уровней Пилона, до самого Высшего города. Хотя он и не любил этого сооружения, но вынужденно находился в нем, когда возвращался домой.

Воздушные лодки плыли по изогнутому клочку неба между днищем Верхнего города и полированным фасадом башни цвета слоновой кости. «Мошки, – подумал Лупо. – Ядовитые насекомые». Он внимательно наблюдал за ними, почти ожидая от каждой из них самоубийственной атаки. Такое уже случалось. Километром выше на стене осталось нестираемое темное пятно.

– Вызови Тэ-Вэ, если ты так беспокоишься, – сказала Вторая. – Выясни, что с ней.

– Я не могу связаться с ней, не сказав кому-то постороннему, кто я такой. Меня не должно быть на Приме.

– Мы укладываемся по времени, – напомнила Четвертая. – Такое нетерпение на тебя не похоже.

Действительно, обычно он был терпеливым, как паук.

– Все дело в этой штуке. Это смертельная ловушка.

– Возможно, Валерена снесет ее, – заметила Вторая. – Если одержит верх.

– Если одержит. Когда я заговариваю с Саймоном о приемнике, он начинает юлить. У него есть свои идеи, а у меня – свои.

Другие уставились на него.

– Блаженный – парень что надо, – добавил Лупо.

– Валерену он мало беспокоит.

– Она такая же самовлюбленная, как все Трегессеры. Учитывая ее лень и прямолинейность, сомнительно, чтобы она считала какого-либо мужчину опасным.

– А что она поставит на месте Пилона? – полюбопытствовала Четвертая.

– Что-нибудь такое же нелепое, как ее крепость, только в сто раз больше.

Он посмотрел на башню. Если бы можно было сбросить Саймона вниз одним усилием воли, он преодолел бы в полете звуковой барьер.

Третий возвратился и объявил:

– Он идет.

– Пусть пошевелится. Я хочу, чтобы странник исчез еще до того, как Валерене придет в голову установить наблюдение.

* * *

Колокол в подвале ничем не отличался от оставленного. Были скопированы даже серийный номер и все опознавательные знаки. Существо внутри начало деформироваться, превращаясь в точную копию Саймона Трегессера.

Пока устанавливали колокол, Лупо наблюдал за Другим. Саймону нравилось считать себя хитрым. Но не перехитрит ли он сам себя, притворившись своим вернувшимся Другим и оставив настоящего Другого на месте?

Может быть. Черт возьми, очень даже может быть!

Необходима проверка. Он говорил об этом Третьему и Четвертой и кое-что предложил. Они отгонят странник в дальний космос. А он сам и Вторая останутся здесь.

У него имелись варианты, за кого выдать себя и своих родственников. Это были люди, которые появлялись и исчезали внезапно и таинственно, без видимой причины и периодичности.

Лупо сделал вызов уже после того, как лихтер взлетел. Он и Вторая превратились в мужчину и женщину, скандально известных в Трегессер-Горате. Эти двое притворялись мужем и женой, хотя все знали, что они брат и сестра.

Это позволяло людям как-то отвлечься от собственных темных грехов.

Внезапно цунами света обрушилось на Трегессер-Приму.

– Сторожевик! – Лупо проклял угасающую вспышку. – Какого черта?

Надо же ему было так выбрать время, что вырваться здесь из Паутины!

Лупо Первый встретил Лупо Третьего в стыковочном отсеке.

– Саймон не стал меняться, – сообщил Третий. – Он притворился своим Другим.

Первый посмотрел на Четвертую. Она кивнула и рассказала остальное:

– В тот момент, когда мы направлялись с Примы на 3-Ф, из Паутины вырвался сторожевик.

– Похоже, мы обречены получать только благие вести. Какой именно?

– «VI Адьютрикс». Он выбил станцию из графика и просто сел там. Без каких-либо сигналов.

– Может, это что-то значит? – спросил Третий. – Вдруг произошла какая-то утечка?

– Маловероятно. И в любом случае уже ничего не изменишь. Пусть сидит. Мы будем знать, где он находится. Вернемся к Саймону. Приглядывайте за ним, пока мы не разгадаем его игру.

– Лупо Провик, старый ты пень! – прогремел Саймон из колокола, появившегося на палубе. – Я не видел твою задницу с тех пор, как мой старший брат приволок меня сюда.

Не совсем точно, но Первый не стал поправлять Трегессера, который видел ситуацию именно так. Саймон был в сво-

ем репертуаре. В глубине души Саймон-Другой имел странность цепляться за свою подлинность, изображая из себя нечто большее, чем просто полезный фантом.

– Значит, это и есть твое убежище на краю света. Я хочу осмотреть здесь каждый уголок.

– Я что-нибудь придумаю. А сейчас мы должны отправить тебя вниз, чтобы ты устроил там представление. Персонал привык к тому, что ты всем плешь проедаешь.

– Ха! Было бы там что проедать. Твои люди уже рассказали тебе, что проклятый сторожевик вырвался из Паутины возле Примы? Ублюдок пытался раздавить нас.

После того как корабль вырвется из Паутины, требуется время, чтобы пространство восстановило порядок. Энергетический шторм бушевал до тех пор, пока разрыв не сгладится. Для путешественника эта энергия могла колебаться в пределах от длинных волн до видимого светового излучения. Когда вырывался сторожевой корабль, это напоминало белую вспышку на конце электрода в момент дугового разряда.

– Вы оказались прямо в короне? – спросил Первый.

Четвертая кивнула.

– А информацию какую-нибудь получили?

– Совсем немного.

Первый вздохнул. Удача не приходит легко. И они не были учеными на исследовательском корабле, чтобы спокойно ее дожидаться.

Довольный собой, Саймон Трегессер парил в огромной пещере. Он еще способен всех переиграть, придумав свой собственный трюк! Он подплыл к колоколу, соединенному с механизмами в центре пещеры, и забрался внутрь, чтобы проведать внешника.

Проклятая тварь опять пребывала в бессознательном состоянии. Он не добился от нее никакого ответа. Что за чертовщина с ней творится?

Приборы показывали, что биологическая активность не прекратилась. Организм не умирал. Разум не угасал. Если, конечно, то, чем думала эта тварь, являлось разумом. Если она вообще думала.

Ну и черт с ней. Он и так знал, что произошло. Каждый покинувший П. Джексона путешественник вопил о сторожевом корабле. Пройдет совсем немного времени, и сторожевик отправится по следу.

Пора заняться этим делом.

Он опустил колокол и принялся играть с громами, молниями и генераторами изображений. Получалось немного неуклюже. Он вызвал Ноа.

Петляя между молниями, Ноа спустился на насест.

– Да, лорд? Вам нездоровится, лорд?

Безумный смех Саймона Трегессера колотился о стены

пещеры. Но это был строго выверенный и слегка фальшивый смех.

– Скажем так, я на время отложил свою великую миссию. Чтобы спутать карты моему возлюбленному чаду.

Саймон полностью сосредоточил внимание на Ноа, выискивая в нем оттенки измены.

Саймона Трегессера обвиняли в бесчисленных преступлениях, но глупость никогда не значилась в обвинительном приговоре.

Ноа надолго исчез. А после возвращения вел себя немного странно. Лупо советовал никого не посвящать в историю с подменой. Значит, Лупо знал о Ноа. Ну так что? Лупо известна каждая чертова мелочь. Это его работа – все знать.

Нескольких вопросов в Пилоне и кое-каких странностей в визите Ноа на Приму вполне хватило, чтобы подозрения превратились в интуитивную уверенность. А потом подкинуть ему идею перехитрить Валерену в двойной игре и зажать в угол. Пусть маленькая сучка поймет, что играет с двумя большими мальчиками.

Ноа хорошо притворялся, но недостаточно хорошо. Реакция выдала его с головой.

Трегессер мгновенно понял, как до него добрались. Валерена подкупила Ноа женщинами. Саймон недооценил похотливость артефакта.

Еще одной подобной ошибки он не допустит.

Ноа больше не получит шансов. Но он еще может приго-

диться.

Осторожно, очень осторожно Саймон подводил Ноа к мысли, что тот общается с Другим своего хозяина, и быстро переключился, как только Провик разузнал о ходах Валере-ны. А затем отослал артефакта с каким-то маловажным поручением.

* * *

Лупо Первый выключил коммуникатор, уступил место начальнику штаба и направился в номер.

– Вся семейка собралась, – сказал он. – Саймон только что приказал мне подготовить странник к поездке на Приму.

– Артефакт полетит с ним? – спросила Шестая. – Убежденный, что подмена уже произошла?

– Если мы возвращаемся обратно, нам стоит подумать о том сторожевике, – заметил Третий. – Паскудная это задачка – незаметно проскользнуть мимо него.

– Оставляю ее на ваше усмотрение, – сказал Первый. – И не забывайте, что Саймон может показать себя слишком большим хитрецом.

* * *

Когда Саймон вошел в информационный центр штаба,

Лупо Первый изучал голографическую карту пространства Канона. Она висела в воздухе, в стороне от обычной суеты. По форме она напоминала фасолину длиной в пятьдесят, шириной в тридцать три и высотой в двадцать четыре метра. Здесь было обозначено более трех миллионов звезд и других космических объектов. Легким касанием можно было добавить, или убрать, или увеличить любой из них.

Первому понадобилось вернуться в прошлое, ровно на сто тысяч лет назад. Он оставил изображение только нескольких выбранных нитей.

– Что происходит, – спросил он, не оборачиваясь, – когда естественное движение звезд смещает якорные точки так, что соединяющие их нити соприкасаются?

– Откуда мне знать, Лупо?

– Мы можем кое-что узнать об этом через шесть лет. Нить, соединяющая Б. Шеллику и Б. Филипию, пересечет другую, связывающую Н. Нуттику с Б. Белнапией. Это будет первое подобное столкновение с тех пор, как люди овладели Паутиной.

– Белнапия? У нас ведь были там какие-то интересы?

– И сейчас остается большой интерес. Древесина шаги.

– Зачем ты возишься с этим?

– Ради знания. Знание – это сила, Саймон.

– Огневая мощь – вот настоящая сила. Я создал эту карту, чтобы ты мог следить за сторожевиками, а не играть с ней.

– Как ты думаешь, у них есть что-нибудь похожее?

- Еще лучше. Они ведь вечно скитаются по Паутине. И ты знаешь, что я вовсе не Другой Саймона Трегессера, так?
- Знаю.
- Значит, ты понимаешь, что я задумал. И ты знаешь о моем ручном артефакте.
- Да.
- Есть ли что-нибудь, чего ты не знаешь, Лупо?
- Я не знаю, что происходит, когда сталкиваются две нити. Не знаю, что вызывает их обрыв. Не знаю, как образовалась Паутина. Я много чего не знаю.
- Странник готов?
- Да.
- На этот раз у нас будет дополнительный пассажир. Но ты ведь и это тоже знаешь.
- Я это предполагал.
- Проклятье! Меня нужно было выгнать и оставить тебя разбираться со всем этим бардаком. Черт с ней, с Валереной, и с директором заодно. Пусть валяются в дерьме. Главное, чтобы был кто-то, способный удержать монстра в узде.
- Лупо Первый перевел взгляд обратно на изображение.
- Я бы не стал занимать это кресло, Саймон.
- Не стал бы, да? Ах ты, бесчувственный ублюдок! Ты не хочешь этого. Думаю, именно поэтому я тебе доверяю. Только я чертовски жалею, что не понимаю, чего ты хочешь на самом деле.
- Я хочу узнать, откуда взялась Паутина. Хочу узнать, как

появляются новые нити и как старые, распушенные, внезапно исправляются. На моем веку такое случалось трижды. Но об этом никто ничего толком не знает, кроме того, что так получилось.

– Упертый сукин сын. Собирай команду. Я дам тебе знать, когда буду готов.

Первый еще с полминуты возился с картой, потом оглянулся на удаляющийся колокол. Пора обновить данные.

А. Саарика, Ж. М. Ледетика, С. Фриция. В каждой из этих систем гарнизон изолировал инфекцию, а затем истребил ее. Лейкоциты за работой. Военконсула это удивило. Он не очень высоко ценил солдат и офицеров Канона.

Его собственная компетентность и мотивы попали под огонь критики. Богоравные пребывали в дурном расположении духа, всюду совали носы, придирались и сомневались в правильности его решений.

Слишком много времени «VII Гемина» провела без малейшего оживления. Все хотели отхватить свой кусок. И при этом больше, чем у других.

Но тут возникли сложности с одной из его предшественниц. Богоравная Макарска Вис была возмущена тем, что он лишил ее стародавней добычи. Раз она не могла вырвать сердце этого ку, то теперь настаивала на сердце военконсула. До сих пор она оставалась лишь досадной помехой. И все же он был рад своему титулу диктатора. Это давало ему власть подавить ее мелочную злобу.

«VII Гемина» вышла из Паутины возле мира Горио в системе М. Анстия-3.

Клочок воздуха в каюте консула надоедливо зажужжал.

– Проклятье!

– Мне уйти, лорд? – прозвенел голос артефакта, подобный

шепоту серебряных колокольчиков.

– Нет.

Слишком поздно было останавливаться. Он не мог позволить ей уйти, пока все не кончится.

И для Леди Полночь тоже было поздно. Первый трепет наслаждения уже начал терзать ее. Даже с человеком, которого она ненавидела, на ранней стадии существовала точка, в которой нельзя было останавливаться, пока жестокие, мучительные спазмы не сбросят ее в состояние ленивого пресыщения.

Генные инженеры создали ее рабыней собственной плоти.

Кто мог отказаться от столь восхитительно полезного существа? Может быть, у нее есть какой-то скрытый изъян?

– Военконсул, – ответил он мерцанию. – Я занят. В чем дело?

Артефакт простонала – тихо, почти с отчаяньем.

– Мы вне Паутины, военконсул, – пробормотал воздух. – Дом Горио просит помощи в подавлении мятежа. Данные показывают, что положение не настолько ужасно, как на В. Ротике-4.

Военконсул вздохнул. Сможет ли артефакт понять, что у него неотложные дела? Конечно же нет. Никаких мыслей у нее в голове не было, только жгучая страсть, требующая удовлетворения.

– Я появлюсь, как только смогу.

Его попытка поторопить Полночь уступила мастерству со-

здавших ее генных инженеров. От бесплодного сдерживания ее тело становилось лишь еще ненасытней, без всякого милосердия.

* * *

Военконсул вошел в боевой центр в некотором смятении. Он с трудом воспринимал поступающую информацию. Бого-равные хмуро смотрели на него с экранов. Или ухмылялись, как Богоравная Макарска Вис. Он выдал свою слабость.

Проклятый артефакт! Ее тело обладает властью над мужчинами.

Пугающее открытие. Никогда прежде он даже не предполагал, что артефакт вообще может обладать какой-то властью.

Восстание на М. Анстии проходило по классической схеме. Мятежники порвали тросы Высшего города Горио-Глум, разбалансировали компенсаторы гравитации, и город уплыл в верхние слои атмосферы.

Помимо бестолковости, которой заражено каждое такое выступление, местные повстанцы не учли особенности М. Анстии. Дом Горио в основном занимался добычей драгоценных камней. М. Анстия была одарена ими в избытке, причем некоторые виды не встречались больше нигде. Вечно страдая от воровства драгоценностей, Дом Горио создал развитую частную службу безопасности. Повстанцы позабы-

ли об этом при первом всплеске кровопролития. Безопасникам хватило времени, чтобы прийти в себя.

Результат: затяжное противостояние.

Богоравные забросали военконсула вопросами.

Он обвел взглядом ряды экранов и позволил себе снисходительную усмешку, граничащую с презрительной.

– Что вы собираетесь делать, военконсул? – от имени всех поинтересовался Богоравный Ансель Ронигос.

– Ничего, Богоравные.

Поднялся недовольный, протестующий гул.

– Объяснитесь, военконсул.

– Я поражен, Богоравные. При всех ресурсах, которыми вы распоряжаетесь... Впрочем, те, кого уже давно нет среди живых, постепенно забывают, как мыслят живые. Самое эффективное, что могла предпринять «VII Гемина», – это прорыв из Паутины. В настоящий момент мятежники уже разбегаются, преследуемые местными солдатами. Ключ: связь. – Мерцание окутало его плечи. – Это военконсул. Вы поддерживаете контакт с Домом Горио?

– Да, сэр.

– Есть сведения об активности мятежников?

– Повстанцы начали рассеиваться, сэр, опасаясь появления наших солдат.

Доказав свою правоту, военконсул оглядел Богоравных. Кто-то в раздражении пропал с экрана. Другие одобрительно улыбнулись в ответ. Некоторые выглядели так, словно по-

пробовали что-то горькое. Богоравная Макарска Вис ненадолго задержалась, уставившись на него с недовольством, почти чрезмерным для электронной сущности. Разве не заговор кучки озлобленных интриганов сделал «ХП Фульминату» такой, какова она теперь? Порядки на «Фульминате» очень понравились бы Вис.

Военконсул подумал об артефакте. Возбуждение наступило мгновенно. Он попытался выбросить ее из головы. Двум другим пленным он не уделял должного внимания. Одна из них все еще продолжала попытки волшебного обмана.

Военконсул рассмеялся. Он начал рассуждать о действиях негуманоидов в терминах колдовства – позволил взглядам ку внедриться в свой разум. Кто бы мог в это поверить? Достигшая стадии космических полетов раса мыслит так примитивно, что до сих пор смотрит на мир сквозь призму мистики и магии.

Поэтому ку были побеждены и порабощены экономически, и когда они умирали, то умирали навсегда, в отличие от людей со сторожевых кораблей, которым гарантировалось бессмертие. Никто из них не оставался мертвым надолго, хотя в операционном и хозяйственном составе не помнили своей прежней жизни.

Зато «Гемина» помнила. Она ничего не забывала и все прощала.

Мысли военконсула уплыли далеко от недовокризиса на М. Анстии.

Легкий ветер с моря нес с собой шепот эльфов и фей и прохладу, ласкавшую щеки Блаженного Трегессера. Он наблюдал, как волны одна за другой накатываются на берег и разбиваются о подножие скалы в сотне метров под ним. Темнота напознала на поверхность воды. Солнце садилось у него за спиной. Как только это произошло, вечеринка началась.

Блаженный вертел свой калейдоскоп и размышлял о том, что замысел деда может оказаться всего лишь еще одной волной, разбившейся о Сторожевой флот. Когда-нибудь волны могут разрушить скалу, но не за один год или десять тысяч лет. Возможно, благоразумнее было бы смириться с реальностью и действовать в рамках ее ограничений. Многие Дома так поступают и живут припеваючи.

А в генах других идея мятежа кипит на медленном адском огне, поглощая поколение за поколением. И в отношении Дома Трегессеров это справедливо в высшей степени. Он не мог стряхнуть с себя это наследие. Но не собирался и преклоняться перед недалёковидностью предков.

Где-то за его спиной засмеялась Валерена. Блаженному ее смех показался натянутым, фальшивым и несколько опережающим события. Но она была здесь гостьей Линаса Масеранга и прилагала все силы, чтобы очаровать его.

Масеранг демонстрировал признаки нарастающего разо-

чарования.

– Блаженный, сынок, не хочешь составить нам компанию? А то ты сидишь там и смотришь на тоскливое темное море Линаса с таким видом, что у меня мороз по коже.

Блаженный оглянулся на голос и увидел обманчивую улыбку и безжизненные голубые глаза Мифа Воргемута. Позади него Кейбл Шайк пожал плечами, словно спрашивая: «Как я мог остановить его?» Еще дальше слуги зажигали бумажные фонарики.

– Миф, – сказал Блаженный, – я еще молод настолько, что мне простительно все. А вы слишком стары, чтобы вам можно было хоть что-то простить.

В глубине безжизненных глаз мелькнула какая-то тень.

– Что ты хочешь этим сказать, сынок?

– Что вам достаточно лет, чтобы понять это. Нет никаких причин что-то прощать вам.

Улыбка Воргемута застыла.

– Боюсь, я не улавливаю, что ты пытаешься мне сказать.

– Сомневаюсь в этом, Миф. Но все-таки объясню подробней. Когда-то давно вы помогли моему прадеду завладеть Домом. Потом вы предали его и помогли захватить власть моему деду. А теперь вы сговорились с моей матерью, чтобы устранить и его.

Улыбка исчезла с лица Воргемута.

– Я не глупец, Миф. И понимаю, что вы делаете. Я догадался даже о том, что вы собираетесь обвинить во всем бед-

ного старикана Коммодо Хвара, если заговор вдруг раскроют.

Воргемут откровенно помрачнел.

– А теперь, не успев еще продвинуть на пост мою мать, вы начинаете заискивать передо мной. Возможно, вы видите во мне ребенка, которого легко контролировать. Думаете, моя мать настолько глупа и наивна, что не заметила этого? Не ставьте на кон собственную жизнь. Она тоже из Трегессеров.

Губы Воргемута сжались в потерявшую цвет сушеную сливу.

– Но стоит ли переживать из-за этого? Праздник в разгаре. Подходят интересные люди, опаздывая согласно моде.

Блаженный направился навстречу Тине Бофоку и ее брату Нио. Воргемут остался на месте, как будто заступил в караул, чтобы нести вахту на берегу моря.

– Какие-то проблемы со старожилками? – спросила Тина. Она пребывала в игривом настроении.

– Только у него. Твоя мать вон там. Увидимся позже?

– Обязательно.

Она скорчила гримасу Нио.

Блаженный углубился в толпу. Но не смешался с ней. Даже в самом центре веранды он оставался наблюдателем и смотрел на происходящее со стороны. Сколько здесь людей Воргемута? Немного. Возможно, они ни в чем не замешаны или, в худшем случае, потенциальные рядовые исполнители.

Сначала казалось, что гости изображают море, набегая

небольшими волнами туда, где его мать собрала свою свиту, и откатываясь прочь. Затем Валерена вернулась в дом Масе-ранга. Толпа разбилась на приблизительно равные звездные системы, с блуждающими между ними кометами.

Иногда кто-то заговаривал с Блаженным. Он отвечал вежливо, но холодно, поддерживая образ отстраненности, которая, немного смягчаясь и теплея в беседе с глазу на глаз, могла у некоторых создать впечатление, будто им удалось прокрасться в доверие к Блаженному. Такие люди потом пригодятся.

Беседуя с одной из женщин-управленцев, которая, вероятно, полагала, что сможет таким образом повысить его образование и свое положение в Доме, Блаженный уловил обрывок разговора. И замер. Он не запомнил слов. Слова не имели значения. Важен был только голос. В нем слышалось что-то пугающе знакомое. Отчего волосы на затылке вставали дыбом. Но Блаженный так и не опознал его.

— Кто это такой? — спросил он свою собеседницу и показал на одного из гостей.

— Никла Огдехван. Он и его жена занимаются чем-то загадочным в интересах Дома. Возможно, чем-то жутким. Они то появляются, то исчезают, и никто не знает, где и когда встретится с ними снова.

Едва заметный акцент на слове «жена». С чего бы вдруг? Брак был странным и экстравагантным обычаем, но не осуждаемым в обществе.

– Спасибо. Прошу прощения, мне нужно уйти.

Женщина поджала губы, но не стала возражать.

Преследование заняло несколько минут. Однажды определив цель, он тщательно прислушивался – не к словам, а к тембру и ритму. Мужчина говорил редко, но, когда это случалось, все его слушали. Под мягкостью его обхождения скрывались острые углы. Никто не знал, чем он занимался. Никто не желал это знать.

Спустя полчаса, когда он получил вызов от матери, Блаженный уже точно знал, что делает Никла Огдехван в интересах Дома.

* * *

Валерена дожидалась его в компании Линаса Масеранга, Мифа Воргемута и еще одного мужчины.

– Миф сказал мне, что ты уже все понял, – начала Валерена. – С таким умом ты можешь мне пригодиться.

Это был сарказм?

– Надо полагать, произошло нечто из ряда вон выходящее, раз ты решила собрать столько свидетелей.

Валерена нахмурилась:

– Я получила сообщение, что странник моего отца прибыл сегодня днем. Эти тупицы наверху, – раздраженно добавила она, – обнаружили его только несколько минут назад. Они бы так ничего и не заметили, если бы проклятый сторожевик

не послал ему запрос.

– Можно я посмотрю информацию, мама?

– На здоровье, – ответил Масеранг с откровенным сарказмом и показал на свой инфоцентр.

– Просто прокрутите сообщение со станции.

Масеранг так и сделал, не скрывая раздражения.

– Четыре часа двадцать три минуты с момента прорыва, – прочитал Блаженный. – Времени не хватит, чтобы пристыковать корабль и спуститься.

– Разумеется, нет! – взорвалась Валерена. – Он наверху, на малой высоте. Там прямо так и сказано.

– То, что, по нашему мнению, делает дедушка, и то, что он делает на самом деле, – это разные вещи, мама. Я полагаю, он хотел, чтобы его заметили.

– Чепуха, – сказал Масеранг. – Зачем ему это?

– Затем, что это дедушкин Другой. Их уже поменяли, а теперь Другого привезли для обратной замены.

– Твое воображение заносит тебя слишком далеко. Это невозможно было проделать так, чтобы наши агенты ничего не заметили.

– Ни вы сами, ни ваши агенты не заметили на веранде, среди приглашенных гостей, Лупо Провика, скрывающегося под именем Никла Огдехван. И он на Приме уже не первую неделю.

Воцарилась мертвая тишина. Потрясенная тишина. Словно сама смерть протянула когти в эту комнату.

Внезапно зажуужал инфоцентр Масеранга.

– Я же говорил, что не хочу, чтобы меня беспокоили, – раздраженно проворчал он.

Молчание сменилось недоверием.

– Разыгрывай кого-нибудь другого, Блаженный, – сказала Валерена. – Я больше не желаю терпеть твои шутки.

– Будет лучше, если ты согласишься в это, Вал, – посоветовал Масеранг.

Она отошла в сторону и что-то рявкнула в коммуникатор. Но в тот же момент включила звуковой экран, так что Блаженный не понял, почему она так рычит.

Когда Валерена вернулась, она выглядела убийственно спокойной.

– Это ручной артефакт моего отца.

– Пойду раздражать кого-нибудь другого, мама, – сказал Блаженный и направился к двери.

Она бросила ему вслед что-то оскорбительное, но Блаженный не расслышал. Он решил проверить, как дела у Лупо Провика.

Тиммербах буйствовал, завывал и метался по мостику, но ни разу не потерял контроля над «Славным утраченным». Он был бесподобен. Капитан честил всех подряд, без исключения: своих богов, своих хозяев, Канон, сторожевые корабли и саму Паутину... а в короткие паузы спокойным голосом раздавал советы техникам. Большую часть времени он казался безумным, но на самом деле просто пытался спасти корабль и, возможно, собственную жизнь.

Джо посмотрела на экран заднего вида. «IV Траяна» разрасталась все быстрее.

Кто-то из команды подозревал Тиммербаха. Они о чем-то пошептались, а затем капитан вернулся и запричитал еще громче:

– Коммандер, мы не доберемся до якорной точки. Нас догонят на несколько секунд раньше. Мы будем цепляться до тех пор, пока эти ублюдки не протаранят нас. И пусть они застрянут здесь и никогда не найдут выхода.

Джо припомнила истории о кораблях, запутавшихся в Паутине и, очевидно, не сумевших освободиться.

«Славное утраченное» трясло и подбрасывало, словно кто-то пинал его ногой. Сигнальные огни совсем взбесились. Джо ухватилась за Хагета и за перила. Сигнал тревоги визжал и свистел.

– Сбрось его! – вопил Тиммербах. – Сбрось его скорей!

И молись, чтобы система не вышла из строя.

Настоящий космос. Звездный космос. И ощущение, будто Джо избавилась от огромной тяжести. Несколько секунд спустя она поняла, в чем дело.

Страх исчез.

Они с Хагетом одновременно осознали, что все еще держатся друг за друга. Джо отпрянула:

– Прошу прощения, сэр.

– Не за что, сержант. Капитан, мы преждевременно оказались вне Паутины. Вы рассчитали, насколько мы выбьемся из графика?

Тиммербах медленно выдохнул, сдерживая себя:

– Мы были уже близко к якорной точке, когда вырвались из Паутины, командер. Если наши цифры верны, мы пробудем в звездном космосе четыре дня. Потом найдем другую нить и отправимся дальше.

Джо не прислушивалась к разговору. Она пыталась, не упуская из вида Чолота, следить за чудовищно огромной звездой, ярившейся где-то поблизости, и косяком других звезд, в котором она плыла. Солдату сторожевого корабля редко удастся увидеть такое зрелище.

– Спасибо, капитан, – сказал Хагет. – Мы не будем больше мешаться у вас под ногами.

Коммуникатор Джо запищал. Она знаком руки остановила Хагета.

– Класс? – прошептал коммуникатор. – Это Ваджа. Искатель тронулся с места. Двигается в вашу сторону.

– Поняла вас. Конец связи. Коммандер, полковник Ваджа сообщает, что Искатель направляется к мостику.

Тиммербах услышал ее.

– Только этого мне не хватало! Мерзкая ползучая тварь... Держите ее подальше от меня.

– Капитан, я не собираюсь подпускать негуманоида к мостику корабля Канона. Класс, зовите всех сюда.

– Да, сэр.

Вызывая Дега и Ани-Каат, она проверила наружные экраны. Невероятно, но казавшаяся страшной самой смерти громадина «IV Траяны» в звездном космосе ухитрилась проскользнуть незаметно.

– Поразительно, правда? – сказал Хагет. – Капитан, мы подождем его в коридоре. Заприте за нами дверь. Сержант, свяжитесь с Ваджей. Узнайте, движется ли это существо сюда по-прежнему или нет.

Джо узнала. Существо двигалось.

– Почему? – вслух удивилась она.

Хагет пожал плечами. Он убедился, что люк на мостик надежно закрыт, и встал по стойке вольно.

– После этого дела вы наверняка оцените все трудности управления маленьким кораблем, не так ли?

– Да.

Неожиданно. Для Хагета это слишком человеческое заме-

чание. Джо повторила его позу.

– А вот и он.

Искатель Потерянных Детей выглядел теперь выше и величественнее. Джо едва справлялась с побуждением опуститься на колени.

Импульс пропал так же внезапно, как и появился, сменившись желанием отойти в сторону.

– Оно пытается подчинить меня своей воле, – сказала Джо.

– Держитесь.

Искатель замедлил движение, остановился. Позади него появился Эра Ваджа, а следом Дега и Ани-Каат. Эти двое прихватили с собой оружие.

– Пассажирам не разрешается появляться в этой части корабля, – сказал Хагет. – Прошу вас вернуться в пассажирский отсек.

Искатель не шевельнулся. Джо старалась остаться собой, хотя ее раздирали эмоции и желания, не принадлежавшие ей самой. Она не сдавалась.

Хагет повторил свою просьбу и добавил:

– Законы Канона запрещают вам находиться на мостике любого корабля, если им не управляют представители вашей расы.

«Корабль должен повернуть назад. Я ошибся. Я просмотрел одного из моих детей. Он в опасности».

Джо вздрогнула. Голос прозвучал прямо у нее в голове.

– Сэр, вы должны вернуться в пассажирский отсек. Это законное требование. Если вы откажетесь подчиниться, я буду вынужден применить силу.

Джо поразилась тому, каким он может быть терпеливым и вежливым.

Искатель не послушал его.

«Отойдите в сторону. Я хочу, чтобы корабль повернул».

Мысленные команды казались ударами молота. Жестоки-ми, но не сказать, чтобы невыносимыми. Джо выдержала. Хагет, судя по всему, отразил их без особых усилий.

Искатель, похоже, удивился. И расстроился.

– Солдаты, мы с вами попали в сложное положение. Я не уверен, что он понял мое предупреждение. Ани-Каат, установите парализатор на малую мощность. А вы, Дега, – на полную. Но сначала я попытаюсь объяснить ему еще раз.

Если Искатель и понял, то все равно не ответил. И не отреагировал на повторное требование Хагета вернуться в каюту. Он снова применил свою ментальную магию. И снова потерпел неудачу.

– Осторожней, командер! – сказала Джо. – Он разъярен.

Искатель ринулся вперед.

– Ани-Каат!

Ани-Каат выстрелила с профессионализмом солдата сторожевого корабля.

Негуманоид рухнул.

Джо осторожно подошла ближе.

– Ваджа! – отрывисто произнес Хагет. – Проверьте метанодышащего. Быстрее! Дега, займитесь крекеленом. Ани-Каат, прикрывайте нас, пока мы тащим это существо в его каюту.

Капитан Тиммербах хлопнул крышкой люка, выглянул в коридор, взвизгнул и снова закрыл люк после слов Хагета:

– Не стесняйтесь использовать парализатор.

Джо опустилась на колени перед Искателем. Он не полностью потерял сознание. Но больше не походил на то существо, с которым им только что пришлось сцепиться, хотя отблески прежнего облика еще пробегали по нему, как языки пламени по ватному тампону, смоченному спиртом.

Но теперь это было лишь видимостью. Черные пятна появлялись и исчезали на его теле с ритмичностью ударов сердца. Джо уловила исходящую от него печаль.

– Не думаю, что он на самом деле настроен агрессивно, командер. Просто не знает, как заставить нас понять.

Хагет присел рядом с ней.

– Готовы, Ани-Каат?

Ани-Каат развернулась, оказавшись позади них.

– Готова.

«Очень профессионально», – подумала Джо.

Коммуникатор пронзительно заверещал.

– Это Ваджа, сержант. У нас тут просто змеиный цирк какой-то. Нюхатель метана превратился в берсерка.

– Передай ему, чтобы держался, – обратился Хагет к

Джо. – Мы подойдем. Как только затолкаем этого зверя в его нору.

Не успела Джо закончить сообщение, как подключился Дега:

– Никого нет дома, сержант. Наш изменчивый приятель сбежал в самоволку.

– Он на такое способен? – спросила Джо. – Я думала, что консул перепрограммировал его.

– Очевидно, недостаточно хорошо, – отозвался Хагет. – Он сбежал. Ани-Каат, помогите Дега отыскать его, когда мы управимся с этим существом.

– Да, сэр, – встревоженным голосом ответила Ани-Каат.

Джо ощутила легкое, как перышко, мысленное прикосновение Искателя. Но не сумела понять его смысл.

– Коммандер, он пытается мне что-то сказать.

– Он может болтать сколько угодно, после того как мы загоним всех пчел в улей. Но сначала главное.

Пчел? Откуда он знает про пчел? Из прошлой жизни?

Искатель оказался легким. Джо ожидала, что в нем не меньше ста килограммов, но он тянул всего на пятьдесят. Пятьдесят килограммов мерзости. В ней росло отвращение...

– Это Ваджа, сержант. Вам лучше подойти сюда. Проклятая тварь пытается просочиться наружу.

– Че-о-орт!

– Просочиться? – переспросил Хагет. – Но...

– Ни хрена себе! – сказала Джо. – Эра, стреляй, если требуется.

– Куда?

– Хороший вопрос. Черт возьми, тогда просто покури в сторонке. – Она оглянулась на Хагета. – Все верно?

Он кивнул.

Наконец они добрались до каюты Искателя.

– Заходи, приятель, – сказал Хагет.

Они опустили существо на пол и вышли. Ани-Каат установила оружие на убойную мощность и заварила входную дверь. А затем убежала.

– Лучше собрать весь наш арсенал, сержант.

Это не отняло много времени. Через мгновение они, бок о бок, помчались на палубу метанодышащего. Испуганные пассажиры шарахались в стороны и смотрели им вслед. Коммуникатор продолжал вопить голосом Ваджи:

– Стрельба ничего не дала. Он растекается повсюду и бесится все сильнее. Проклятье, он пытается выбраться!

Хагет выхватил коммуникатор:

– Если не можете остановить его, уходите оттуда к чертовой матери. Быстреей!

Они выскочили в коридор. Ваджа, стоявший в сорока метрах впереди, бросился к ним навстречу. Позади него распахнулась дверь в каюту.

– Ложись! – крикнула Джо и повалила Хагета.

Они растянулись на полу в то самое мгновение, когда кис-

лород соединился с метаном.

Грохот, пламя и возмущенный вой сирен наполнили коридор, а через несколько секунд Джо потеряла сознание. Последнее, что она увидела, – это Эра Ваджа, отброшенный взрывом и летевший к ней, раскинув руки, словно крылья.

Колокол Саймона Трегессера выплыл в док из тени как раз в тот момент, когда Ноа закончил разговор по платному коммуникатору. Артефакт вышел и направился к убежищу, адрес которого ему только что сообщили.

Валерена решила, что его могут заподозрить и поэтому ему лучше скрыться.

Внезапно в его смятенном сознании мелькнула мысль, что вокруг что-то не так. Он замедлил шаг.

Тишина резала уши.

Когда Ноа входил в кабинку, это был обычный док. Огромный. Шумный. Суетливый. А теперь он вдруг опустел, словно все живое в нем разом уничтожили.

Ноа замер.

Так быстро?

Исключая вторжение из космоса, только одна сила могла очистить док с такой скоростью.

С обеих сторон от него и впереди появились люди из команды странника. Каждый из них держал в руках распылитель. Они приближались.

Безумный смех раскатился по доку позади него. Он понял, что на этот раз ему не уклониться от молнии.

Но все же попытался, хотя и знал, что не сможет обмануть судьбу.

Существо, спрятанное в самом сердце цитадели Саймона Трегессера в глухом конце космоса, ощутило колебания Паутины. Вибрации ударили по нему со всех сторон, словно поток нейтрино самой Вселенной.

Через минуту сообщение привело его в полную вменяемость.

Доступным ему способом оно позвало: «Саймон Трегессер!»

Трегессер не ответил.

Оно позвало еще раз. Эти новости должны быть как-то связаны! Колесница бедствий катилась по Паутине, и только вдохновенная импровизация могла предотвратить ее преждевременный прорыв к глухому концу.

Судьба отхватила себе слишком большой кусок. Судьба и происки врагов, о которых внешник даже не подозревал.

Трегессер не желал отзываться. Должно быть, безумец отправился куда-то развлекаться. Если поступит больше тревожных сигналов, ему придется ответить.

Период вменяемости внешника закончился, и он начал биться о границы своей обители. Дергался, корчился и извивался. Его составные части вращались одна вокруг другой. От конвульсий треснул клапан, вероятно предохраняющий от выплеска агрессии. Из него под высоким давлением хлы-

нул метан.

Взрыва не последовало. Трехметровое лезвие пламени вонзилось в панель управления. Тепло перестало циркулировать. Заклубился дым. Загорелся пластик. Завыла сирена. Система пожаротушения включилась слишком поздно или не сработала совсем. Температура поднималась все выше и выше. Отказывали все новые и новые системы.

Огонь подобрался к хранилищу химикатов, используемых внутри жилища Трегессера и внешника.

Лупо первым примчался в пещеру и стал свидетелем взрыва. Осколки разлетались в непредсказуемых направлениях и ударялись о стены. Но внешник ничего этого не почувствовал. Его составные части были уже мертвы, одни от удушья, другие от отравления кислородом, третьи от падения давления или, избежав всего этого, зажарились, словно стейк.

Лупо проследил за тем, как утихает буйство стихии, покачал головой и вернулся наверх посмотреть, не зафиксировали ли приборы что-нибудь особенное, способное объяснить случившееся. Хотя и сомневался, что сможет что-то узнать.

Он и не узнал.

Но задумался над этим.

Там, где не бывал и куда не отправился бы по доброй воле ни один человек Канона, во мраке метана и аммиака, десятки колониальных разумов ощутили еще один взрыв агонии, эхом разносившийся по Паутине. Их составные части перестроились в некое выражение разделенных эмоций. Возможно, это была печаль, или гнев, или отчаяние, или нечто непостижимое для человека. Несомненно, за этим последовал период неподвижности, который мог быть воспоминанием и скорбью.

Затем множественные разумы собрались на совет, чтобы придумать новый план.

Тортилу отвели апартаменты, предназначенные для почетных гостей, – лучшее жилье, какое он видел со времен Зловещего Радианта. Тюремная камера без решеток. На «VII Гемине» имело бы смысл запирать только самых безумных пленников, которые бросаются на своих тюремщиков. Сторожевой корабль знал все о каждой разумной частице, движущейся по его металлическим и пластиковым венам.

Ему позволялось свободно ходить по всему кораблю, за исключением ядра. Какой вред он мог причинить?

Он увяз крепче, чем муха в паучьих силках.

Янтарную Душу поместили в соседнюю каюту и без всякой жалости наблюдали за ее страданиями. Поначалу Тортил больше никуда не ходил, не желая притворяться кем-то другим, кроме пленника своих стародавних врагов.

Полночь поселили рядом с Янтарной Душой, но она редко с ними виделась, проводя все время с Ханавером Стратом. Тортил не держал на нее зла. Она являлась такой, какой ее создали.

Он был опечален и болью Полночи, и необъяснимой агонией Янтарной Души.

Возможно, кто-нибудь из соплеменников Янтарной Души и смог бы проникнуть через ее барьер, но для Тортила он выглядел таким же непреодолимым, как щиты сторожевого

корабля.

Разочарование собственной беспомощностью перешло в беспокойство, которое он постепенно начал смягчать прогулками. Но он бродил в стороне от мест обитания живого экипажа, в отдаленных частях корабля, неподалеку от отсеков для рейдеров, гнезд для истребителей преследования и перехватчиков, а также шахт адской карусели. Там попадались места, откуда можно было увидеть звездный космос.

Тортил подозревал, что большинство из многотысячного экипажа корабля никогда не видели космос иначе как на экране. Но у экрана есть границы, он всегда показывает только небольшую, плоскую часть реальности. Люди не любят признавать, что с точки зрения Вселенной они не представляют никакой важности.

Он отыскал нерабочую шахту. «Гемина» разрешила ему войти. Из О-образного купола дежурного помещения ему была видна такая большая часть Вселенной, какую только способен вместить в себя разум. Он мог прилечь на койку деформастера в успокаивающей, мерцающей темноте, где не было ни вчера, ни завтра, ни беспокойства, ни страха.

Он мог позволить себе болезненно-философское состояние в той мере, в какой сам захотел бы.

Военконсул отыскал его во время третьего посещения шахты. Разумеется, «Гемина» сообщила, где он находится. Но все равно удивительно, что этот человек потратил время, чтобы навестить его здесь.

Страт сел за консоль управления, уставившись в пустоту космоса. «VII Гемина» оказалась вне Паутины с неизвестной Тортилу целью. Он заметил маленькую луну, станцию и движущиеся искорки местного транспорта.

Казалось, военконсулу нечего было сказать. А когда он заговорил, его слова лишь подтвердили то, что Тортил прочитал по его позе.

– Здесь так спокойно. Оглядываясь назад, я чувствую ностальгию только по тем временам, когда был деформастером. Здесь ты остаешься наедине с собой. Иногда вдруг видишь себя и того, кем ты мог быть.

Он усмехнулся, очевидно без всякой задней мысли.

– Ничто не сравнится с ощущением, когда ты выпустил вихрь, а штурмовик все равно прорывается и ты должен закрутить новый, чтобы достать его, прежде чем он достанет тебя.

– Нет, – возразил Тортил, – ничто не сравнится с ощущением, когда ты идешь в атаку, зная, что должен отыскать шахту и уничтожить ее, прежде чем деформастер уничтожит тебя и весь экипаж. Ты и в самом деле такой старый?

– Боевой состав большую часть времени спит. Ты летал на штурмовиках?

– Я придумал эту тактику.

Удачливые штурмовики высаживали десант на обшивку сторожевых кораблей. Солдаты сторожевиков не могли сравниться с воинами ку.

– Теперь она уже не сработала бы.

– Теперь больше нет ку. Никакая другая раса не имеет таких рефлексов. А где же дети, военконсул?

– Что?

– Где ваши дети? Малыши. Я побывал на борту трех сторожевых кораблей. Когда мы захватили «XVI Киренаику» – ненадолго, прежде чем она взорвалась. Потом на «XXII Скифии», пока ее боевой состав не вышвырнул нас. А теперь на «VII Гемине». И до сих пор не видел детей.

Военконсул наконец понял.

– Мы сами себе замена. Каждый из нас находится на борту с того момента, когда «VII Гемина» вошла в строй.

– Но... я знаю, что боевой состав стареет только во время дежурства. Остальные, похоже, живут непрерывно.

– Да, до тех пор, пока их не отберут или не обожают. Большая часть экипажа просто умирает, затем их записанную и отредактированную личность закладывают молодым клонам.

Тортил не вполне уловил смысл.

– И они живут снова и снова?

– Как шутят у нас, снова и снова, пока не добьются своего.

Тортил покачал головой. Какая-то бессмыслица. Он всю жизнь изучал людей. Они были предсказуемы, но непостижимы.

– Так принято на «VII Гемине», Кез Маэфеле. Некоторые корабли развивались в другом направлении. Они стали

странными.

Странными.

– Говорят, что вообще ничего не меняется. И обвиняют во всем вас. Вас считают диковинными демонами. Но я прожил каждую минуту из этих тысяч лет. Вся Вселенная стала странной. Возможно, вы этого не замечаете.

– Почему мы не должны этого замечать?

– Вы не обращаете внимания на то, что происходит вовне, пока Внешний космос не мешает тем законам, которые вы установили силой. Канон изменился, военконсул. Я отметил тот водораздел, за которым страсть к многоярусным городам захлестнула его. Прежде в пространстве Канона было мало негуманоидов, если не брать в расчет Рубежи, а также закрытые и заповедные миры. И артефакты встречались редко. Как и меня, их создавали для благородных целей. Теперь их полно везде – совершенные игрушки, которыми хозяева наигрались и выбросили на помойку. Миры людей были переполнены. Паутина кишела кораблями. Шла бойкая торговля с Внешним космосом. Куда исчезли эти триллионы людей, военконсул? С тех пор открыты еще тысячи новых миров. Они должны быть заселены. Но ничего похожего не происходит. Лишь на немногих из них больше жителей, чем на том гнойнике, где вы нашли меня. Почему? Потому что обычные люди перестали размножаться.

В наши дни те, кого глубоко презирают, – это цемент, скрепляющий все, что еще осталось. Канон принадлежит

людям, но поддерживают его существование негуманоиды и артефакты.

Военконсул задумался.

– А в этом есть смысл?

– Нет, если ты не видел его прежде.

– Ты хочешь сказать, что это затянувшееся вымирание – наша вина?

– У меня нет собственного мнения. Я всего лишь наблюдатель. Но другие видят. Возможно, их зрение острее. Они более свободны в своих странствиях, чем я.

– Это пища для размышлений, Кез Маэфеле.

– Я хочу пересказать тебе кое-какие слухи, военконсул. Некоторые расы во Внешнем космосе стремятся завладеть пространством Канона. Они ощущают вакуум. Но есть одна сила, которая сдерживает их.

– Мы? – усмехнулся консул. – То, чего нельзя добиться силой, можно заполучить хитростью.

Тортил хмыкнул:

– Ты хорошо изучил меня.

– Малыми силами вы добились большего, чем кто-либо до и после вас. До сих пор ваша тактика определяет характер каждого нападения или мятежа. – Военконсул рассмеялся. – И пока они придерживаются тактики, которая почти принесла успех, вместо того чтобы искать ту, которая его принесет, мне остается только потирать руки.

– А есть ли другой способ?

– Должен быть. Всегда есть другой способ. – Военконсул задумался. – Интересно, кто-нибудь пытался представить, что произойдет, если нам дадут пинка? Очевидно, тот, кто это сделает, окажется еще омерзительнее, чем мы.

– Я даже не надеюсь, что этот вопрос вызовет много размышлений.

Военконсул был прав. Тот, кто победит Сторожевой флот, займет его место и почти наверняка устроит еще большую тиранию.

Тортил невидящим взором уставился в пустоту снаружи, размышляя о том, являются ли жадность, грубость и жестокость такими же основами для жизни, как энтропия – для физики Вселенной. Неужели выползшие из грязи составили программу, с которой не сможет справиться никакой разум?

– Вчера вечером мальчишка узнал тебя, – сказала Вторая.

– У него поразительно острый глаз, – ответил Лупо. – И ум не хуже. И он тут же получил с этого дивиденды. Уни-
зил Валерену перед ее сторонниками, выставив недостаточ-
но компетентной, и указал им на нас. Со временем Дом Тре-
гессеров получит прекрасного руководителя.

– Если он переживет Саймона и Валерену.

– Его придется опекать. И оберегать от фамильной одер-
жимости Трегессеров.

– Ты какой-то слишком задумчивый этим утром.

– Слишком многое из того, что происходит, я не могу кон-
тролировать. Не могу это делать здесь, в то время как наш
сторожевик направляется к глухому концу. Ты сама это чув-
ствуешь. Чувствуешь необходимость быть там.

– Это должно кончиться сегодня. Ты ведь ожидаешь там
неудачу, правильно?

– Если кому-то и по силам захватить сторожевой корабль,
то только мне. Я сомневаюсь лишь в том, что сторожевик
вообще возможно захватить. Такого не случалось со времен
войны с ку. Впрочем, и тогда это длилось недолго. «XVI Ки-
ренаика» взорвалась.

– Форсированного режима хватит на это?

– Мы испытаем это на собственной шкуре. Собирается со-

вет директоров. Я хочу быть там, когда появится Валерена. Поехали!

* * *

Валерена была настоящим Трегессером. У нее оставалось двенадцать часов, чтобы успокоиться. Ее ярость достигла температуры расплавленного свинца, а потом превратилась в холодное, твердое золото. Трегессеры становились особенно опасны в этом возвышенном состоянии.

Оно охватило Валерену, когда она входила на первый этаж Пилона. Блаженный с неизменным калейдоскопом в руках шагал вслед за ней. Она тщательно и бесстрастно изучила свое положение и пришла к выводу, что в лучшем случае его можно назвать безвыходным. Лупо Провик раскрыл истинную суть собрания у Масеранга.

Не надеясь что-либо выгадать или спасти, она выбрала курс, который, по ее мнению, мог застать Лупо врасплох, – почти мистическое принятие ситуации, решение не обороняться, не спорить и даже не обсуждать.

Просторный первый этаж был покрыт живым ковром цвета желтой охры, проглатывающим все, что падало и проливалось на него, хотя в часы затишья служители обрызгивали его водой и посыпали рыбьим кормом. Бродячие мини-бары дрейфовали между островами и архипелагами мягкой мебели, и бармены раздавали то, что улучшает настроение и из-

меняет сознание.

Трегессер не возражал, когда здесь собирались вперемешку разные обитатели Пилона. Ему хотелось, чтобы его считали демократичным человеком. Техник по переработке отходов мог расслабляться рядом с начальником своего отдела, сглаживая вековечный конфликт между рядовыми служащими и руководителями.

Валерена ухмыльнулась.

Это была показуха. Сплошная показуха, и ничего, кроме показухи. Просто уловка, чтобы пустить пыль в глаза. Но это никого не могло обмануть.

Между такими островами стояли бесчисленные трофеи Трегессера. Лодки мини-баров сновали туда-сюда, торговля даже в этот час шла бойко. Но все это оплачивал Дом Трегессеров. Еще одна маленькая привилегия тем, кто работал на Саймона.

– А вот и Лупо со своей подружкой, – сказал Блаженный.

Валерена увидела их. Они остановились в нескольких метрах от лифтов и уставились на какое-то дополнение к экспозиции...

Это был артефакт Ноа, набитый и выставленный здесь, словно мифологическое существо. Валерена бросила хмурый взгляд на Лупо Провика.

– Это очень хитро, Лупо, – заметил Блаженный. – И даже ловко – заменить деда так быстро.

– Иногда приходится делать то, чего добивается твой про-

тивник, но ты делаешь это, исходя из собственного графика.

– А кто такая твоя подружка?

– Ты и сам довольно хитер, – ответил Лупо.

– Думаю, мама наконец-то примет твой совет подождать.

Они все вместе вошли в шахту лифта.

– Приятная новость. Хорошо бы, чтобы это продлилось до тех пор, пока мы не узнаем, что происходит в глухом конце.

Стены вокруг были расписаны фресками. Но Блаженный смотрел на спутницу Провика.

– Я Блаженный Трегессер. А ты?

Женщина лишь улыбнулась.

– Ты хитер, Блаженный, – сказал Лупо, – но выбрось это из головы. Тебе не хватает опыта и тонкости.

Рука юноши дернулась на миллиметр в сторону матери.

Валерена не обратила внимания, сместив взгляд на затылок сына и обдумывая услышанное. Хитрый Блаженный! Неужели он все испортил всего несколькими словами?

Лупо вежливо посоветовал ему не лезть в чужие дела. Но он дважды пропустил это мимо ушей.

Юношеская беспечность.

Если бы мальчик... Нет, если он так поступил, то он уже не ребенок.

Лупо с усмешкой посмотрел на нее поверх плеча Блаженного и вышел из лифта. Выше по этой шахте было не подняться. Они приблизились к первому барьеру безопасности. Спутница Лупо шагала следом. Оба приложили ладони к

считывателю и прошли дальше. Каждый пройденный барьер добавит свою долю информации о ее роли в замыслах Провика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.